

Иван Марковский

Лариса и другое

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
УДК 821.161.1-1
М27

Марковский И.
М27 Лариса и другое / Иван Марковский. – М.: Институт Книги, 2007. – 136 с. (Проект «Премия журнала «Рец»)

isbn 5-86856-148-1

Иван Марковский (1972 г.р.) живет в Москве.

Публикации в журналах «Вавилон», «Черновик», «Новая Юность», «Солнечное сплетение». Эти и другие тексты Ивана Марковского можно прочесть в Интернете по адресу <http://im.fateback.com>

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
УДК 821.161.1-1

Краткое предисловие к книжной серии «Премия журнала РЕЦ»

Когда в феврале 2003 года арт-группа «РЦЫ» начала издавать электронный журнал «РЕЦ», сама по себе идея размещения литературного издания в Интернете не была новостью, но, тем не менее, наш журнал до сих пор остается единственным в своем роде. Каждый его номер – это электронная книга, в объеме которой размещается не только текст, но и визуальные работы, и звук. Каждый номер готовится отдельным приглашенным нами выпускающим редактором, который собирает материалы в номер на свое усмотрение, так что журнал «РЕЦ» – это сумма авторских проектов, а группа «РЦЫ» осуществляет общее руководство журналом и верстку. Именно для того, чтобы наш журнал не только отражал текущую ситуацию в современной поэзии, но и сам формировал литературное пространство, мы избрали этот «субъективистский» подход, при котором издатель осознанно не проводит «генеральной линии», оставляя все решения по каждому отдельному номеру выпускающим редакторам, которые и сами будучи поэтами, создают журнал, отражающий их личный взгляд на современную литературу, их круг литературного общения, а сумма этих частных взглядов и даст нам искомую объективную картину. Теперь премия журнала «РЕЦ» продолжает эту работу. От каждого номера, изданного в 2004-2005 гг., выпускающие редакторы номинировали по два автора, таким образом были составлены лонг-листы премии. Затем по лонг-листу проголосовало жюри, в которое вошли известные поэты Аркадий Драгомощенко, Елена Фанайлова, Станислав Львовский, Виталий Пуханов, Дмитрий Воденников, Линор Горалик, Юлий Гуголев, прозаики Ольга Зондберг, Леонид Костюков, Андрей Левкин, кураторы и издатели Дмитрий Кузьмин, Данила Давыдов, Борис Бергер, Владимир Кукушкин. В итоге появились два шорт-листа и определились победители:

- за 2004 год: **Татьяна Мосеева** (победитель), а также **Марианна Гейде**, **Виктор Иванів**, **Иван Марковский** и **Олег Шатыбелко**;
- за 2005 год: **Анастасия Афанасьева** (победитель в номинации «Проза») и **Ирина Шостаковская** (победитель в номинации «Поэзия»), а также **Григорий Дашевский**, **Виктор Иванів** и **Наиля Ямакова**.

Издание книг лауреатов 2004-2005 – Татьяны Мосеевой, Анастасии Афанасьевой и Ирины Шостаковской, а также одного шорт-листа – Ивана Марковского в специальной серии, что, собственно, и является материальным содержанием премии, любезно взял на себя «Институт книги» при поддержке газеты «Книжное обозрение», которым мы выражаем особую благодарность. Также мы хотели бы сердечно поблагодарить всех выпускающих редакторов нашего журнала и участников жюри премии за сотрудничество.

Павел Настин, арт-группа «РЦЫ»

Адрес журнала «РЕЦ» в Интернете: <http://polutona.ru/?show=rets>

О ДРУГОМ

Наставление

Между буддами и живыми существами, по сути, нет разницы. Может ли быть различие между пейзажем и нашим «я»? Почему же мир делится на две стороны? Даже если узнать главное слово и занять главную переправу, это еще не значит предоставить всему быть как оно есть, целый мир не будет стоять того, чтобы за него держаться. Но где же таится главное слово? Чтобы узнать это приведу пример.

Пример

Юньмэнь показал свой посох и дал собравшимся такое наставление: «Этот посох превратился в дракона и проглотил вселенную. Горы, реки, вся огромная земля — где они теперь?»

Скрижали лазурной скалы

Будемте буквалистами, читая «историю о том, как буквы пытались стать больше чем буквы», и мы увидим, как буквы пытаются повернуть историю ко времени, когда буквы были словами, слова — глаголами, к лесу задом, к читателю передом.

«я, это, я, последняя блядь несмешная буква», — пишет Иван Марковский.

Аз — первая, не менее несмешная, — припоминаю я.

Бук, букв, буков, буковок, букашек бояться, в лес не ходить, глагола не ведать.

Хотя, да, страшно.

Ведь «произнести слово «Будда» — значит вымазать себя грязью. Произнести слово «чань» — значит покрыть себя позором», — так написано в «Скрижалях лазурной скалы».

— ну и хуй. слова это мои игрушки, — говорит (нам? вам? никому?) Марковский, —

кроме слов вообще ничего нету

мне слова заменили тело
руки губы органы чувства
ты подумай: ну что я теряю?
ничего. для других береги жалость

но пока одни, оцени, ты можешь
ключевые слова: слова, головокружение, чудо

Ключевые слова могут оказаться взаимоисключающими или взаимозаменяемыми.

“Ключевые слова: «нищета», «с достоинством», «идиот», «порно»”. Ключевое слово здесь: ключ, источник.

Источник того, что называют жизнью (слово-простейшее, слово-протозоид), того, что называют реальностью.

что такое реальность? это когда слова обжигают уши

Казалось бы, неожиданно в этом контексте вспоминаются слова С. Н. Булгакова о том, что «слова-идеи выделяются в недрах человеческого сознания как голоса самих вещей, о себе возвещающих».

Что же происходит со словами-ощущениями, словами-переживаниями? С тем, о чем поэт говорит: «это не тексты это просто такая письменная эмоциональная речь»?

Неужели и правда, слово-мука возвращается в музыку или перемелется, мука́ будет?

музицируя

я сел с утра к роялю языка
передо мной как клавиши слова
которое нажать? допустим, а.
допустим, но. возможно, что.
конечно, ты. короче, я.

и слова деньги радостная трель.
и слова хуй прохладная педаль

P.S. Ветхозаветная история сотворения мира начинается со второй буквы алфавита. Предыстория не для нас писана. Она остается за скобкой, за одной из тех скобок, в которые, и заключен мир, если не как воля, то, по крайней мере, как представление.

Все же, предыстория позднее писанных книг нам доступна. Возможно, затем и пишутся предисловия, чтобы предыстория сдвинулась достоянием гласности.

Этой книжки я ждала три года. С того момента, как познакомилась со стихами, вошедшими и не вошедшими в нее. Мне и в голову не приходило тогда, что потребуюсь ей не только как читатель, но и как редактор. Оказалось, я была не права. Первая моя задача заключалась в противостоянии авторской воле к перфекционизму и авторским представлениям о совершенстве, и, как мне теперь кажется, еще один редактор не помешал бы, чтобы отстоять стихи, которых вы здесь не найдете.

Второй задачей стали поиски названия, вернее, второй его половины, так как очевидно было, что первой должна непременно быть Лариса.

Одним из предложенных названий было «Лариса и другие слова», но слова оказались за скобкой, вернее, в скобках обложки. Перед вами другой вариант — «Лариса и другое». Предисловие к ней я хотела бы заключить двумя программными стихотворениями о словах, изгнанными с ее страниц вместе со многими другими по воле (произволу) автора.

позвони завтра в значении «пошел на хуй»
позвони завтра в значении «до завтра стоит дожить только ради одного этого»
вечер в значении «жду»
ночь в значении «сплю»
ночь в значении «не сплю, разговариваю с невидимым человеком»
(не подумайте плохого, мы разговариваем по телефону)
принимать решение в значении «психануть стереть на хуй все файлы»
психануть в значении «третий день не отвечать на письма»
подчиняться в значении «безраздельно принадлежать»
я в значении «испытывать опасения, опасаться»
ты в значении «получать удовольствие от этого, играть»
февраль-2004 в значении «грустить, огорчаться, плакать»
улыбаться в значении «улыбаться»
влюбляться в значении «бить стекла а потом каяться, вставлять»
влюбляться в значении «ебаться»
разлюбить в значении «успокоится» и разлюбить в значении «разочароваться»
понимать в значении «пожимать плечами»
я в значении «не имеет значения»
ты в значении так сказать «безнадежно»

так можно до бесконечности.
хуй с ним, надоело.
я не в состоянии сделать из этого стихотворение.

LIMIT

Дм. Соколову

где слова ничего не обозначают
не обнадеживают
не печалят
а висят, как какая-то азбука
на ветру, —
сложились из азбуки слова поновее,
одно, которое
 я везде и одновременно еду
 за надежной спиной на багажнике велосипеда на даче
 и вечер
 и тихий как кролик глагол «любить»
 где-то в густых одуванчиках заблудился»
и другое, которое
 «свет настольной лампы,
 под которой должно быть написано
 что-то значительное,
 но ничего не написано»
и ещё, которое
 «то, что я считаю делом своей жизни,
 и есть дело моей жизни»

Это всё о другом. А теперь читайте *Ларису*.

Гали-Дана Зингер

Лариса

Поэма

I.....	13
II.....	29
III.....	43
IV.....	59



посвящается, как ни странно, моему папе

I

«Подарите мне Ларису
у Ларисы мягкая кожа
у Ларисы короткие черные волосы
Лариса любит котят.
Я хочу быть ребёнком
Ларисиным котёнком.
Когда Лариса была ребёнком,
она жила довольно далеко отсюда
а мама говорила мне:
«Ох, подрастает где-то твоя невеста!»
Лариса подросла и приехала.
Здесь мы и встретились.
И подружались с первого взгляда.
Но любви между нами нет, нет и нет.
Я люблю Ларису, а Лариса любит котят, а не детей,
Которые могли бы родиться у нас с ней».

Этим коротким стишком начинается длинная поэма.
Я сидел, писал на листке какие-то подсчёты, цифры,
а получилось вдруг внизу, ниже подсчётов
маленькое стихотворение про Ларису.
Вечером прочёл, проанализировал. Эге, надо полагать, влюбился,
раз вместо важных вещей пишу какую-то окоlesiцу про Ларису —
нормальный, взрослый, знаю чего хочу, работаю,
только немного страдаю, что до себя пока не дорос, —
а скучно. Берешь в руки вещь — понимаешь, как сделано.
Любая, например, книга — как в стеклянном корпусе механизм:
Вот — метафора, вот шутка, коллизия, другие винтики-колесики.
Ох, надоели мне эти прозрачные фокусы!
А с девушкой Ларисой общаюсь вот три недели уже —
и не пойму, как устроено. Зато как работает!
Уж и сам себе в диковинку стал —
а то ходил весь скучный, как Евгений Онегин;
думаю: — вот, напишу в свободное время, оформлю в поэму,
что это такая за Лариса, и как там у нас чего получится.
Может, станет понятно всё? Тогда брошу.
А пока что-то одни нервы.
Ну ладно. Что будет — напишу дальше.

Просто буду писать, что есть, без всяких литературных сложностей:
пусть это будет произведение более человековедческое, чем художественное.

...А на следующий день — кризис
Я опять что-то доказывал Ларисе
вокруг да около того, что нам нужно вместе жить
и давать друг другу веселье и нежность, —
(но не открытым текстом, а так, косвенно),
а Лариса смеялась и говорила:
— Я ничего не понимаю.
— Не могу же я делать то, чего я не могу делать, —
говорила Лариса в смысле, что меня не любит.
Я вдруг понял это со всей очевидностью,
стало мне вдруг как-то невероятно грустно,
и я сказал, а Лариса сказала:
«я же не нарочно, я же не виновата», —
со свойственной ей интонацией
отмежевания от ответственности,
отшатываясь от чувств, чтобы не пачкаться,
и это было некрасиво, и это неправда,
а правда, надеюсь, в том, что ты просто мне не веришь,

и прячешься от меня, играешь,
это — унижительная для меня проверка
на крепость нервов, на мою безусловную верность —
обидно тебе, что я пальто подаю невпопад, и не ловкий, и не общительный,
а я влюблен, мне не важно, что ты говоришь, делаешь,
мне достаточно того, что ты значишь и как ты выглядишь,
как ты двигаешься, улыбаешься,
и твои правильные правильные глазки,
почти незаметный акцент,
ты сказала как-то «вукруг»
ты знаешь, ты очень смешно говоришь
милая
а потом ты сидишь у себя на чердаке на диване
поджав ноги, накинув на плечи такую разноцветную штуку, ты сама связала
а я сижу рядом на краешке, у меня кружится голова
оттого что вот она, Лариса, близко,
я глажу тебя по волосам, по лицу,
целую легонько
говорю все время, какая ты замечательная
а ты говоришь, я что-то не то говорю,
что я вру. Я не вру!

...Лариса перебивает меня, говорит с котёнком Катей,
хотя, каким-то образом — со мной.

Такая игра. Лариса очень любит котят Митю и Катю.
Нежничает с ними, целует.

Она даже поцеловала мою фотографию в военном билете,
а меня — ни разу.

Потому что с котятами просто, они безответные,
фотография — тем более, а я — живой.

Но живого поцеловать — другое дело,
это уже значит — совершить поступок.

А Лариса не хочет. Я же совсем сумасшедший мальчик!

я просто полюбил и тянусь к тебе, Лариса,
и сердце моё совсем не на месте

и скачет внутри, и давление,

когда я заглядываю в окошко твоей работы,

где ты (или тебя нет, а если есть — светится настольная лампа)

трудолюбиво раскрашиваешь мультфильмы за крайне скромные деньги.

Тысяча — кадр. А работы много.

Ты говоришь со мной, а одним глазком рисуешь мальчика Борю и Капитана,

я даже запомнил названия персонажей

и полюбил их. Они черно-белые, но у Бори зелёная банка.
Магнитофон тихонько играет Телониуса Монка,
мы почти танцуем, хотя сидим на местах.
У каждого движения — маленькая волнующая оглядка:
внимание, Лариса смотрит.
Задумчиво покусывает верхушку тоненькой кисточки,
а я сижу в уголке, не снимая пальто, стесняюсь;
что-то говорю; слишком тихо, сбивчиво, Лариса не слышит.
— Не бубни! — неожиданно звонко говорит Лариса.
При этом подается вся вперед, на меня, улыбается,
сплетает из рук смешной хитрый узел.
Я часто слышу это самое «не бубни». Всё равно бубню.
А однажды пришёл —
у Ларисы были ярко покрашены губы,
так здорово, немного вульгарно, ей идёт.
Мы стояли в коридоре, Лариса села на стол и болтала ногами,
совсем как маленькая непослушная девчонка. Где же бантики?
А на окне стояли чахлые здешние цветы.
У Ларисы тоже здесь свой цветок — картошка.
Лариса посадила в горшок настоящую картошку,
она проросла, Лариса её поливает, ухаживает,
«Надо же мне о ком-то заботиться» — это ее слова.

Вот такая она, Лариса,
девушка, у которой родинка посередине запястья,
в месте, где все нормальные люди носят часы.
Родинка означает, что Лариса родилась не просто,
а чтобы свести меня с ума
навсегда, навсегда, окончательно.
И свести меня с ума у нее выходит —
ну не даром же родинка горит в необычном месте.

Читателю, возможно, уже наскучила такая гуща событий?
Что ж, попробую описать все с самого начала.
Я зашёл как-то к своему приятелю Чернышеву
стрельнуть 20 тысяч
(он студент ВГИК. Занятия были в Киноцентре).
Как вдруг — Лариса.
Девушка в плеере на одно ухо
стоит стройная у стены одна,
смотрит правильными правильными глазками,
чёрненькая.
Во мне что-то сработало.
Я спросил Чернышева — это что за девушка?
— Это Лариса, — сказал Чернышев.

— Передавай от меня привет, — сказал я.
Чернышев пожал плечами и сказал «хорошо».
А осень. Я ехал в метро и вспоминал Ларису.
Вот она стоит, смотрит.
Я подумал еще: вот девушка, с которой может всё получиться.
Не тут-то было.
Вечером звоню Чернышеву
— Ну как, — передал привет? — спрашиваю. — Ага,
а Лариса сказала, ты похож на француза.
Я? Очень мило. На совсем неказистого француза.
Однако, обратила на меня внимание. Приятно.
— Передай Ларисе, что я хочу её пофотографировать,
покажи ей мои фотографии, я принесу.
Через несколько дней: ура! Лариса согласна.
Потом захожу во ВГИК, Чернышев нас официально представил.
Правда, от стеснения из разговора получилась болтовня.
Но Лариса всё равно — первобытное существо, замечательная, всё подтвердилось.
Спросила: — А как ты хочешь фотографировать?
А я не знал.
Говорю, ну, просто, пойдём гулять.
Она сказала, о, пойдём пешком от Киноцентра до Китай-города.
Потребуется ещё целая поэма, чтобы описать, как она это сказала.

Я ушёл. Осень продолжалась, продолжалась.
И, надо сказать, до зимы я так и не появился.
Не могу сказать, почему. Нехорошо, наверное.
Я, наверное, был чем-то занят, размышлял, думал.
В этой системе координат — поэме «Лариса» —
Это время существует, как точка, его нет.
Кстати, в Евангелии тоже не говорится,
что делал Иисус с 14 до 32 лет.
Вот и я появился потом, зимой.
И, заметьте — один, без всяких апостолов
бродил я среди столов в буфете на первом этаже ВГИК,
приходил, смотрел на Ларису издали, кивал, не решался к ней подойти.
Делал вид, что у меня срочные дела с Чернышевым.
И, однако, набрал в слабые легкие спёртого буфетского воздуха
и подошел к Ларисе, и произнёс проповедь,
мысленно краснея, и (мысленно же) в смущении заламывая аскетичные пальцы.

А Лариса ничего, выслушала, смеялась.
Когда я уходил, оглядывалась, улыбнулась.
Этой её улыбки хватило мне на три дня беспробудного счастья.
Вот, Лариса, как всё хорошо начиналось,

а ты говоришь: «мне ничего не нужно»
и прячешься, кутаешься в полиэтилен вежливости.

А мне нужно.

Это беспроегрышная позиция, Лариса, —
стоять всегда в стороне и жевать шоколадку,
брать от жизни только хорошее,
и говорить в случае чего: «как хочешь!»,
и навсегда выучить формулу: «я ничего не чувствую»,
не делать поступков,

свято соблюдать свою пластмассовую стерильность,
так можно жить долго и счастливо, но стоит ли?

А инфантильность этих строк, Лариса, символизирует то, что я открыт:
захоти — и дотянешься до самого сердца.

Вот я. От всей души предлагаю. Бери.

А ты предлагаешь мне банан, Лариса.

Я говорю: «Спасибо, не хочу», — Лариса закатывает глаза.

Говорит: «Напиши себе такую бумажку: «я ничего не хочу».

Обиделась.

Лучше улыбнись, Лариса.

Твоя улыбка мне дороже любого банана!

Лариса живет на чердаке на Чистых Прудах:

мансарда, чья-то бывшая мастерская,

вполне себе однокомнатная квартирка, только нет ванной,
типографский станок с огромным железным колесом-штурвалом:
это мастерская гравёра.

Здесь кто-то делал оттиски, гравюры.

На чердаке особенный, свойственный Ларисе запах.

Вид из окошка — облезлый проходной дворик, крыши,
место очень живописное, и жить можно, только, увы, душно,
плохо проветривается, Лариса страдает.

Я принес вентилятор, повесили на форточку, а толку...

Войти на чердак можно только с чёрного хода

по захламлённой заброшенной лестнице, которая, кроме нас, никому не нужна:

чёрный ход закрыт. У Ларисы есть ключ от всего подъезда.

А когда прихожу в гости, нужно громко кричать: «Лариса!»

Лариса выглядывает, машет, сбрасывает ключ в пакетике из-под чипсов, чтобы не затерялся в сугробе.

Здесь, на чердаке, мы смотрим телевизор, пьём чай, иногда — спиртные напитки.

Лариса любит делать это при свечах, у неё это получается как-то вправду уютно, на удивление не пошло.

...А я всё настаиваю, я засыпаю Ларису риторическими вопросами:

а если бы на моём месте был принц (мифол.),

не было бы разговоров — «не пришло время», «я ничего не чувствую»?

И что я, т. е. я, автор — «врунишка-лгунишка» со своими порывистыми сентиментальностями

и так далее.

Но если так — всё.

Значит, не подошёл.

Не прошёл по Ларисиному трафарету.

И нужно мне, как литературному герою, да и просто по-человечески взять и умереть, а не писать это ночью, грустно.

А я пишу. Выходит, надеюсь?

Потому что когда ты смотришь на меня, Лариса,

своими правильными правильными глазками,

мне кажется, что всё несколько иначе.

Что ты меня любишь.

А слова можно наговорить любые.

Дай-то бог, чтобы всё так и оказалось.

Хотя, что я могу поделать, если это — как зажигалка: горит или не горит, и если не горит — не горит, ты меня не любишь, Лариса.

Поехал домой.

После таких расставаний всплывает в электричке старинная детская мысль, что я один такой, и становится так печально...

и ещё, что человек вообще совсем один, как ни крути,

и о том, что всё хорошо, что кончается.

Кому нужны огонечки? — никому.
Эй, дешевые огонёчки! — никому они не нужны.
Вот и люди совсем не нужны друг другу.
Здравствуй, эпоха всеобщей раскоммуникации.

Жил-был один неуклюжий человек, толстый, средних лет из города Вологды.
В своём лице он определенно находит что-то лягушечье,
и, и это сыграет в дальнейшем определённую роль, немного хромает.
Проснулся в три часа ночи.
Вышел на кухню выпить стакан молока
и нашёл в соседней комнате серую тетрадь с женскими стихами.
Герой прочел стихи, уснул, увидел во сне их автора и влюбился.
Во что бы то ни стало решил её отыскать.
Бывшая соседка, сизолицая К. — женщина немолодая и неприятная, клеptomанка.
Открыла свой воровской журнал и нашла тридцатилетней давности запись:
«В поезде Москва — Махачкала у женщины с серыми глазами
много похищены маленький ребёнок и обширная библиотека».
Тетрадь, значит, и есть — обширная библиотека.
(А ребёнок, видимо, — пупсик, — думает наш герой. Нужно, наконец,
как-то его назвать; например, В.) В. едет в Махачкалу.
Следы женщины с серыми глазами петляют
по горным дорогам Кавказа и аллеям пансионатских парков.
(В целом — что-то среднее между романами
«Истинная жизнь Себастьяна Найта» и «Двенадцать Стульев».)
Наконец, В. попадает в отдалённый санаторий Х. и узнает,
что автор стихов — отдыхающая Патриция Д. — уж лет 30 как пребывает на исторической родине в США.

В. возвращается в Вологду, как в воду опущенный: Америка далеко.
Делится горем с Д., другом, техническим гением.
Выясняется: Д. — приемный ребенок К., тот самый маленький мальчик,
украденный в поезде Москва — Махачкала, а совсем не пупсик.
После распития по этому поводу напитков
Д. с помощью некоего прибора ретранслирует В. в Америку.
В Америке после недели скитаний
В. натывается на уютный мавзолей посреди зелёной лужайки,
«Урсула Патриция Дуглас спит здесь и ждёт своего рыцаря», — написано на дверях.
Старушка-вахтёрша на полусохранившемся русском утверждает, что
Патриция Дуглас лет 30 назад заморозила себя в стеклянном гробу,
оставив завещание — инструкцию
с подробным описанием этого самого рыцаря,
при появлении которого её следует разморозить.
Начинают сверять приметы:
толстый, хромой, из Вологды — всё совпадает.
В. уже не верит своему счастью.
Но с последним пунктом получается неувязка:
Должен быть шрам поперёк колена и родинка посередине запястья.
Шрам — на месте. (Оттого и хромает!) А родинки — нету.
В. сел на землю и зарыдал:
«Ах, почему у меня есть шрам, а родинки — нету? Почему — не наоборот?
Шрам бы я сам сделал, а родинку — как? Всё зря...»
В. ушел оттуда, ссутулившись, ещё сильнее хромая.
Только взглянул на прекрасную Патрицию Дуглас, навсегда молодую,
Которая ждала своего рыцаря в стеклянном гробу.

...Всё это написано только ради этого восклицания про родинку, честное слово.
Почему у меня есть шрам, а родинки нету? — повторяю я.
Мне же так нужно дозвонится, достучаться, разбудить спящую Ларису.
Мне так безотлагательно, принципиально нужна Лариса, так,
И не хватает лишь такой незначительной родинки, чтобы её разбудить!

...А мы пошли всё-таки фотографироваться в конце концов.
Вышло совсем классическое начало романа:
я с фотоаппаратом зашел за Ларисой во ВГИК,
и мы пошли куда-то, и провели вместе около трёх часов в кромешном тумане.
Почти ничего не помню. Только какое-то сверкание, смех, Чистые Пруды.
Рядом — незнакомое, головокружительное существо Ларисы.
Я две пленки отснял. Как ни странно, кое-что получилось.
Потом, в метро. (Или это в другой день?) Я стоял, Лариса сидела.
Я не выдержал, погладил по голове её —
Лариса так смешно отвернулась, смутилась.
Что ты в этот момент подумала? Лариса, только попробуй сказать, что этого не было!
Я ликовал, чувствовал: да! да! не ошибся!
Тот, тот человек прямо передо мной!
И этот день, хоть я его, правда, помню так плохо,
вошел в нашу историю навсегда. А мы теперь, получается, в неё влипли.

II

Эти бессвязные отрывки я записывал, ещё когда всё было более или менее нормально.

Даже не думал, что из этого получится,
просто сидел, улыбался себе под нос, и писал свою летопись про Ларису.

А теперь, 6 марта 1997 года, сижу и не понимаю,

как же я без этих плечиков проживу

как же я без этих плечиков проживу

как же я без этих плечиков проживу

что-то чувство юмора мне отказало,

после того как мне отказала Лариса.

Значит, это серьёзно.

А Лариса всё равно ничего такого не чувствует,

моя стерильная добрая девочка

ставит у себя на чердаке чайник, забывает включить

слушает передачу по радио

одной рукой отламывает шоколадку

другой гладит подросшего котёнка Катю

а глазами смотрит в окно на оттаявшую зелёную крышу
вспоминает про чайник, не забывает про шоколадку
забывает про крышу
прогоняет котёнка Катю
и по радио неинтересная ведущая
Лариса выключает и одевается
пора в институт или на работу
характерно прищелкивает пальцами
уже у зеркала
щурится, смахивает со щеки выпавшую ресничку
оставляет Катю за старшую
закрывает дверь большим, неженским ключом
ушла.

Я же тем временем смотрю немного назад, до знакомства, и вижу,
как Лариса сидит у себя на чердаке и зовёт любовь,
едет в метро и тихонько зовёт любовь,
и появляется вместо этого юноша без перспектив, с плохими зубами,
т. е. я,
надевает пиджак, говорит темпераментные глупые вещи,
лезет со своей подростковой неутолённой нежностью,
в разговорах с друзьями к месту и не к месту употребляет твоё ритмичное имя: Лариса

Лариса Лариса Лариса Лариса Лариса
Ох, как я люблю твою странную душу,
милые твои ручки с тревожно коротковатой линией жизни,
и как ты чёрную юбочку носишь на подтяжках — так симпатично.
Чёрт меня возьми! Я всё не решаюсь написать, как это произошло.
Воспоминание по праву принадлежит к категории неприятных,
но я виноват. Guilty.
Не юли. Нужно описать эту ужасную ссору.

...Я три дня занимался физическим трудом, заработал денег,
всё предвкушал, что поеду в гости к Ларисе и она будет рада.
Наконец, закончил работу. Поехал.
Купил даже, и это был апогей моего кретинизма, бутылку портвейна.
И то ли это физический труд так сильно меня отупляет,
то ли бес попутал
(впрочем, я действительно устал на работе) —
захотелось мне изобразить стереотипного настоящего мужчину.
Ну вот, думаю, приду типа с работы, скажу «привет»,
буду пленительно грубым, как писал писатель Ерофеев
(посмотрел бы я на его пленительную грубость применительно к Ларисе.
Впрочем, Ерофеев — гений, может быть у него бы и получилось).
Вот в таком плачевном состоянии я пришел к Ларисе тогда.

Но и Лариса в моё отсутствие кое-чего надумала.
Встретила меня холодно, хотел обнять — отстранила.
— А у меня для тебя сюрприз, — сказала Лариса,
— Ты теперь будешь спать на полу, на матрасике.
Тут, как говорится, и пошла вода в хату.
Лариса, ну разве плохо нам было,
когда я засиживался и оставался у тебя на ночь
и спали мы на твоей кровати — хоть бы раз приставал — так нет!
Разве плохо осторожно друг друга обнимать, рассматривать,
пошептаться, если среди ночи проснулись?
Но главное — случайное употребление Ларисой слова «матрасик».
Это слово меня по ряду причин, видите ли, оскорбляет. А вот и результат:
я наговорил Ларисе исключительных мерзостей,
даже нецензурно ругался; а когда Лариса зло рассмеялась на мою псевдоправедную патетику —
даже, и, по-моему, преобольно, схватил её за руку.
При всём при этом чувствовал я себя ужасно.
В роли «мужчины» всегда чувствую себя неорганично.
Но уж завёлся. Во всём виноват «матрасик».
...Лариса была жестоко разочарована.
«Вот его истинное лицо! А то всё была ненастоящая маска», — подумала Лариса.
Нет! Лариса, поверь, наоборот, то — лицо, а это — так, издевательство над своей природой!
Как я обидел её! Урод, зверь.

Ну, в результате тихонько плакал, всё равно спал на матрасике.
Потом дня через два прихожу, кричу снизу: «Лариса!».
Лариса подходит к окну и смотрит, не отвечает, и открывать не идёт.
И я смотрю. Какой грустный у нее силуэт. Молчим. Прошло минут десять.
Было похоже на финальную сцену фильма «Три цвета. Белый».
Лариса спустилась, открывает дверь.
— Ну что, будем подниматься, или сразу уйдёшь? — окатила меня с порога холодом.
Поднялись. Ну, Лариса мне всё и высказала по первое число.
Я уходил потом, даже посмеиваясь:
не каждый день о себе такое услышишь.
Да-а-а... Тут я и стал писать:
«как же я без этих плечиков проживу
как же я без этих плечиков проживу».
...и вообще, Лариса сказала, что всё это было мимолётное наваждение
и во всём виновата комета, которую этой зимой видно по вечерам
в небе над уродливым помпезным зданием фирмы «Лукойл»,
но теперь всё прошло и кончилось,
и я больше Ларису не интересую, улетела комета. Эх, Лариса!
Верить ты первой попавшейся комете, а мне не верить.
Мои чувства, Лариса, не зависят от астрономических явлений,
а зависят от биологических, вроде тебя, Лариса.
Впрочем, какие чувства у такого скота и грубияна?

Обидно мне, больно, видите ли. Так мне и надо!
Мало мне, заслужил-то вообще быть убитым за эгоизм и свинство.
Будь я проклят, не буду никогда больше изображать «мужчину»,
это средоточие наглости, тупости, толстокожести.
Что-то в этом «мужском» есть неизмеримо пошлое.
А теперь дураку только ностальгировать и осталось,
перебираю мысленно картины, связанные с Ларисой.
...Из окна чердака Ларисы видны картины природы:
вот стая собак устраивает ночью непонятную возню,
вот идёт печальная бабушка сдавать пустые бутылки,
иногда внизу стою я и кажусь, наверное, маленьким
с 5 1/2 этажа: машу приветственно шапочкой,
которую ты мне подарила, Лариса, помнишь
(зелёная дурацкая шапочка с пуговицей на макушке)?
Спасибо, Дариса, этой зимой моя голова не мёрзла.
Я всегда приходил, стоял под твоим окном, Лариса,
не кричал, не звал тебя — ты почему-то сама выглядывала,
шла вниз открывать, потом долго вспоминала:
чего это вдруг решила подойти к окну, выглянуть?
«И есть ведь между нами что-то не понарошку совсем,
если такой беспроволочный телеграф действует», —
думал я. А Лариса стеснялась этого. Или прихожу —

а свет в окошке чердака не горит.

Иду к Ларисе на работу, это совсем близко. Ну а если и там нет, возвращаюсь.

Пишу Ларисе записку, оставляю в дверях.

А однажды написал даже целый стишок (не помню).

Да и сколько еще всего хорошего у нас с Ларисой было:

однажды я подарил Ларисе аккордеон.

Принёс его и стою под дверью, а Ларисы нет.

А он тяжёлый, зараза, ну, думаю, назад не понесу, буду ждать.

Ночь, снег ещё не сошёл, грязь

Смотрю — идёт. — Вот, — говорю, — Лариса, это аккордеон, тебе, играй.

— Ты что, — говорит Лариса, — совсем озверел? — открывает в темноте дверь.

— Типа того, — говорю — тащу к ней на чердак этот несчастный аккордеон

Пока я его нёс, футляр всё время расстёгивался, сломаны замки.

Потом, при переезде, пришлось связать его цветастым пояском от неизвестного платья или халата:

так, по-моему, выглядят хрестоматийные погорельцы.

...Да, нет больше чердака на Чистых Прудах, Лариса переселилась.

А я все ещё живу на дурацкой даче в Мамонтовке, Ярославское направление,

и прожил там уже маленькую отдельную жизнь

с собаками Кубиком и Рубиком,

кошкой Асей,

с соседями:

«Я под телевизор засыпаю, как под магнит», — говорит тётя Валя.
А дядя Володя, похожий на вышеупомянутого Рубика,
обещает зарубить меня топором, когда я буду спать.
Простые, милые люди. Ненавижу их от души.
Лариса же осуществила блистательный переезд с чердака к Марине.
Ларисина сестра Марина — композитор и замечательный человек.
Тоже, кстати, заслуживает поэмы, да я шепчу уже одну, про Ларису.
Жаль только, Ларисе поэмы ни к чему:
Лариса хочет не красоты, а стабильности.
Что она бережет? Чем гордится? — не понимаю.
Кто наделил её этой способностью нажать какую-то кнопку — и мне плохо.
А у меня, дурака, нет от Ларисы кнопки. Плохо.
Но когда мы ссоримся, Лариса опять становится сломанной.
Потом миримся — и опять смягчаются её контуры.
Что бы ты ни говорила, Лариса,
но общение со мной на тебя влияет, не проходит даром.

...Проходящая в красном пальто, на каблучках, проходит в тёмную арку.
Суббота или воскресенье, улицы в центре пустые, людей мало.
Лариса сейчас еще спит, утро.
Хожу по бульварам, езжу на троллейбусах, а на метро нет денег.

Сижу вот у памятника Энгельсу на Кропоткинской.

10.15. Вот пришел какой-то молодой бизнесмен, рыжий, сел рядом, посмотрел на меня, полез в сумку, теперь заполняет какие-то документы: тоже своего рода графомания.

Ладно, хватит умничать.

Расскажу вот про переезд, давно обещал, когда мы с Ларисой перевозили вещи к её сестре Марине, когда Ларису выселили с чердака на Чистых прудах.

Прихожу, как договаривались, в 12

Лариса домывает пол. Так хорошо убрала, умница.

Все вещи собраны, только на столе ещё беспорядок.

— Давай скорее, — говорит Лариса, — еще чаю попьём, пока хозяйка не пришла, — заваривает, наливает в чашки, но тут приходит хозяйка:

— Что ж это вы, — говорит, — договаривались на 12, а вы еще не готовы?

Ишь, какая вредная! А, собственно, всё готово, только со стола не убрано.

Лариса психует, вытирает половину вещей со стола на пол.

Я выливаю чай, мою чашки.

Мы быстро сыпаем всё в пакет, как попало:

сахарницы, фотоаппарат, бумажки, плеер.

Отдельное место занимает кошечки Маши туалет: большая жестянка от киноплёнки.

Чертов аккордеон связали чем-то, чтобы не открывался.

Не понимаю, как мы это за один раз унесём?

А вот жизнь заставила — взяли, и понесли. «Лариса, прости меня!» — кричит вслед хозяйка. Что-то там между ними произошло, точно не знаю.

Но красивого жеста не вышло: «Лариса, а ключи?» — истерично кричит хозяйка из окна, когда мы уже выходим во двор.

«На гвоздике», — отвечает Лариса.

Конец зимы — оттаяло — приморозило — ужасно скользко.

Прошли метров 20 по двору: о, черт, всё попадало.

У чего-то оторвалась ручка, что-то рассыпалось.

Разложили вещи на снегу — всё такое пёстрое!

Как же нести? Начали переключивать. Стало даже немного весело.

А до этого дня отношения были натянутые, после той ссоры.

Помню — удалось, наконец, оптимизировать количество мест.

Пошли, навьюченные, к Чистым прудам — прохожие оглядывались.

И интуристы интересовались, терзали экскурсовода, показывали пальцами.

Вот так мы стали московской достопримечательностью.

Поставьте, пожалуйста, нам с Ларисой памятник на Чистых прудах не вместо Грибоедова, а сантиметров 20, из бронзы, как Лариса любит,

как мы идем с кучей вещей к метро,

молодые, смешные и парадоксально счастливые,

и обязательно чтобы кошечка Маша сидела на плече у Ларисы

(хотя её с нами не было, её перевезли днём раньше).

Но с Машей веселее и, как ни странно, правдивее.
Все эти мешки, сумки, аккордеон и негабаритный машин туалет в отдельном пакете.
Я, кажется, был в своём пальто, переделанном из морского бушлата,
и Лариса — в пальто, и на руке у неё, как всегда, был намотан носовой платочек (у Ларисы насморк).
Вот такой маленький памятник, скульптурная группа в парке:
молодой человек с небезупречной в помине репутацией,
и Лариса Лариса Лариса Лариса Лариса,
настоящая московская девушка из бог знает откуда в Москве.

Но вот мы приехали к Марине и всё-таки выпили чаю, согрелись,
стали совсем весёлые, как дети, кажется, окончательно помирились,
как бы так написать это всё живыми разноцветными буквами,
чтобы светились, танцевали, суетились, прыгали.
В обычной черной строчке на обычной бумаге
есть что-то просто графически невесёлое, по определению.
...Я, кстати, все еще сижу у памятника Энгельсу.
Пойду сейчас гулять по Гоголевскому бульвару:
он, может быть, тоже осчастливит меня каким-нибудь воспоминанием о Москве.
Сколько здесь всего произошло со мной и с другими.
И вообще, хорошо ходить пешком, а на метро, повторяю, всё равно нет денег.
Вообще удивительно: вот я не в Москве родился и вырос, а
Москва — единственный город, где я чувствую себя хорошо, дома.

Да, Энгельс? Пойду-ка я в гости к Максиму Скворцову.
Пешком. Далеко, но, по крайней мере, согреюсь.
Москва особенно еще хороша тем, что здесь, наконец, я нашел Ларису.
И вообще, ведь писал же Пушкин:
«Звук «Москва» содержит в себе большое количество всего,
близкого русскому сердцу.
Он — такое точное зеркало этого всего!»

Р. С. Лариса пожила некоторое время у Марины,
а теперь окончательно решила переезжать в общежитие.
Собиралась, готовилась. Я ходил совсем больной, грустный:
судя по всему, я отсутствую в далеко идущих Ларисиных планах.
А хотелось снять жильё и поселиться там с Ларисой, деньги и варианты были.
И я сказал. Нет, ну конечно, ничего не вышло.
Лариса сказала, что не хочет со мной, зато некто где-то там у неё есть. (Новость!)
«Там» — не в смысле далеко, а в смысле — ничего у них не выходит.
Я говорю: ну это всё равно, всё равно я у тебя есть,
я хочу тебе помочь, не хочу уйти от тебя, вдруг тебе будет плохо.
Посидели так на кровати у Ларисы в комнате, поговорили.
Как-то у нас получилось добро, честно.
Несмотря на отрицательный результат переговоров
стало мне как-то очень светло на душе:

в последнее время отношения наши забрели в потёмки.

А теперь — раз — зажглось аварийное освещение.

Что ж. Ситуация ясна. Я сидел на кухне.

Лариса появилась в дверях, села на корточки, обхватила себя руками, и смотрит.

Я присел рядом, напротив.

Долго так сидели, смотрели, как маленькие,
но глубоко и по-хорошему грустно.

Я обнял сидящую Ларису, гладил её лицо, Ларисе нравилось.

— Ты провокатор, — ласково приговаривал я. — Нееет, —

Лариса отрицательно поводила у меня перед носом указательным пальцем.

Занавес.

В результате Лариса переехала в ужасающе тесную комнату в общежитии,
а я снял крайне неудачную комнату в Беляево

у вечно ругающейся молодой семьи с орущим годовалым ребёнком.

И теперь в небесной канцелярии клерки заключают пари:

кто сведет меня с ума раньше —

Лариса-не-провокактор или этот патологически голосистый маленький Афанасий.

Единственное, что прибавляет шансов поставившим на Ларису,

это ушные затычки фирмы D'Addario, которые любезно предоставила мне неунывающая соседка Лена.

На этом кончается вторая часть моей комической поэмы.

III

А ведь я уже ого-го прожил, дай бог ещё столько же.
Все вроде нормально шло, и вдруг смотрю: бабушки, темный лес.
Забрёл, со своего переулка сбился, в неизвестном нехоженом овраге заблудился.

Ну как еще можно сказать эту вещь?

24 июня. Наконец-то собрался писать продолжение своей многострадальной поэмы.
Тем более, в наших отношениях с Ларисой кое-что изменилось.

Лариса и её подружка Наташа шли по аллее
был ветер
я шел в 30 метрах позади них, старый
их молодые стройные контуры среди деревьев, впереди, в моей перспективе
мы шли очень медленно
я сорвал веточку лиственницы, тербил ее, подносил к носу.
Запах похож был на октябрь (хотя начало июля)
воздух в октябре холодный, звонкий

если бы у нас был рыжий сеттер, он бы лаял
бегал далеко и зарывался в кучи жёлтых листьев
но сеттера не было
потом пошли с Ларисой вдвоём обратно
я пытался рассказать ей, как это
что вот сейчас — подует — унесет меня в нафантазированный октябрь
дал ей веточку лиственницы
Лариса хотела понюхать — получились смешные зелёные усы
странно — девочка — а к лицу ей
долго потом стояли, сидели у дверей общежития
почти молча.

А на следующий день Лариса уехала домой в город Актау.

Едем в автобусе в аэропорт, 6 утра.

— Будешь ходить за письмом на почтамт? — спрашивает Лариса

— Буду. Да ты всё равно не напишешь, — говорю.

— А у тебя там телефон есть? — спрашиваю.

— Есть. 51-17-46, — говорит Лариса. Я записал.

— Всё равно не позвонишь, — сказала Лариса мне назло.

Посмеялись. Я начал рассказывать историю, как один мой приятель...

Да какой к черту приятель — Лариса уезжает!

Или не так это было, не рассказывал — не помню.

Я что-то волновался — не могу восстановить события.
Мне всё мерещилась вчерашняя Лариса
с зелёной веточкой лиственницы, как усы.
И пока я рассказывал — или недосказал? — приехали.
Всё как всегда в жизни — пусто, глупо.
Лариса заполнила какую-то бумажку,
зашла за перегородку сквозь охранника в форме.
— Ну всё, счастливо, — говорит.
— Давай, — я только дотронулся до её руки сквозь решетку.
Всё.
Улетел самолёт.
Увёз мою — не мою Ларису.
И осталась у меня в руках вместо Ларисы
сумка, а в сумке — общая тетрадь, в которой недописанная Лариса-поэма.
И осталось только писать, вспоминать, перелистывать,
а ещё жить, устраиваться, зарабатывать деньги,
для этого — бегать, встречаться с неприятными несимпатичными людьми, врать,
делать не то, что должно, а то за что платят. Не хочу!
Лучше я буду бедным, чем некрасивым! — говорю я с претензией на афоризм.
Вот и хожу: бедный, гордый, и всё равно не красавец.
Работаю грузчиком на строительном складе.

А понятие «Лариса» тем временем переходит в область идеального.

Не правда ли, более тысячи раз рассказанная история?

Да.

Но меня интересуют исторические подробности.

Действие поэмы переносится в воспоминания.

Кадр: Лариса сидит, задумавшись.

А я, пошлый, говорю ей какие-то однообразные, скучные вещи.

Лариса раздражается.

Естественно: ампула галантного ухажёра — не моё ампула.

Говорю очередную глупость и готов незамедлительно провалиться.

А Лариса знай подставляет себя, чтобы за ней ухаживали.

Она руководствуется, скорее, общим чувством стиля, нежели чувствами.

А я не умею, не могу интересничать, и так мне досадно,

и окружает меня антураж безвкусного романа с потугами на молодость.

Мы сидели летней ночью на парапете, часа два так просидели,
романтично беседуя. Я пересказывал Ларисе что бы вы думали?

«Граф Монте-Кристо», она, оказывается, не читала.

И ещё о чем-то говорили, как в 18 лет.

И это «как» висело над нашими головами, отлитое из чугуна,

словно надгробная табличка с овальными прорезями для наших портретов.

(Пожалуйста, поставьте нам всё-таки памятник, ну очень нужно!)

новый длинный конверт европейского образца с надписью PAR AVION полетит теперь далеко на юг, на Мангышлак, где у Ларисы адрес: номер квартала, номер дома, номер квартиры. Одни цифры; с квартирой повезло, говорит Лариса, 13. Или вот картинка еще: однажды я помогал Ларисе с её собаками. (Одна женщина на Алексеевской содержит квартиру животных, штук 15 кошек, их запах, а так же собаки Брут и Анфиса, Анфиса – прелесть. Иногда женщина уезжает за границу на неделю-другую.

А Лариса тем временем за деньги смотрит за собаками-кошками.)

Так вот. Мы выходим из квартиры, вызвали лифт.

И я в общем в шутку говорю:

– Лариса, за что ты меня так ненавидишь?

Приехал лифт, мы запихнули в него собак, вошли, поехали.

И Лариса совсем серьезно, отстраненно говорит:

– Я тебя не ненавижу и не ненавижу, мне всё равно, –

говорит и о чем-то задумывается. Слава богу, лифт приехал уже.

Вышли. Я гулял сквозь свинцовый сон с собаками и с Ларисой, не подавая вида. Сказал, спешу, ушел, не глядя, не попрощавшись.

Расстроился. Пошел, напился, дурак.

(Пишу это, и не могу, слушаю фортепьянные пьесы композитора Сати, а они своими высокими нотами дотрагиваются до лица, как пальцами, писать невозможно.

Ночь. К черному окну тянутся с подоконника цветы,
вдруг о стекло ударяется и становится на секунду видна толстая мохнатая бабочка,
снова улетает в темноту, это так чудесно.
Так и хочется, чтобы в эту хмурую книгу попало это летнее, чёрное,
а приходится отвлекаться и утешать взвинченного соседа, совсем мальчика.
Ссорится с женой, страдает. Просто замучил меня, выжал, хотя успокоился.
Говорили на кухне об иронии: не приемлет; потом
прозвучало слово «пассионарность»: всё, умираю;
мог ли предположить Л. Н. Гумилёв, что его сомнительный термин
посеет такую смуту в умах длинноволосых юношей
и небритых пессимистично настроенных вечных юношей.
Хочется сложить небольшой костёр из книг уважаемого Л. Н. Гумилёва
и сжечь на нём жену неуравновешенного соседа Лену:
отвлекли меня и обманом проникли в лирическую поэму.)

...Я услышал потом от Ларисы связное пространное описание моих недостатков.
Всё, что она сказала, было так зло и неверно.
Создалось впечатление, что Лариса — блесна,
снаружи — Лариса, а внутри — острие, крючок, Алла.
Я никогда до этого ни у кого не видел

столько спокойной, осознанной жестокости.

Как подросток убивает медленно, по кусочкам

бедную лягушку: что у него на лице?

Оно сосредоточенно, застыло.

И у Ларисы на лице появляется самоуглублённое, красивое вдохновение,

когда она рассуждает: «...Ну, на тебя-то мне наплевать...»

Всё точно, всё работает: лексика, ухмылка, интонация, жесты.

Минимум слов — максимум болезненных ощущений. Злюка.

Лариса долго помнит обиды и не преминёт уколоть побольнее.

Нет, я не мазохист, мне это неприятно.

Но я люблю её именно такую, что делать

Потом я слышал от Ларисы куда интереснее вещи: рассказы, рассуждения, выводы.

Это бывает редко, это почти праздник: Лариса говорит.

Обычно она стесняется. Запрещает себе в жизни довольно многое.

И обычно Лариса вялая. Такой темперамент. Рыбы.

У Ларисы день рождения — 8 Марта.

Бывает такая вялая, что лежит, жалуется на здоровье, ноет.

Хотя, бывает и по комнате скачет так, что не усадить.

Вам, кстати, наверное, непонятно, что происходит у Ларисы с кошками?

В начале вроде Митя и Катя, а потом — раз — Маша.

Вот её краткая история: Маша — подкидыш.
Кто-то подложил совсем крохотную Машу Ларисе под дверь, наверное, знали, что у неё котята.
Маша смешная, у неё настоящее лицо, а на лбу — морщинки.
Маша смотрит по вечерам телевизор, её интересуют живые картинки.
В детстве Маша кусалась и как-то укусила Ларису за нос.
Одним словом, Маша — супер, красивая чёрно-белая молодая кошка.
А я неинтересен, глуп и, как всегда, растерян,
пасую перед Ларисой и перед автобиографическим жанром,
и жизнь моя никак не соответствует моим представлениям о поэзии.
Обычно такого рода произведения выезжают на обаянии, честности.
А я не душа-человек, я глаза-человек, руки-ноги-нос-человек, так, посредственный, средний.
И я не потому пишу, чтобы все узнали, какой я невестребованный, внутренне красивый.
Ничего во мне красивого, увы, нету.
Образ жизни веду обычный, отщепенческий.
Добросовестно воспетый литературой XX века.
Извините, вы не подскажите, о чем здесь петь?
Нет, не таков я. Я ведь не Венечка и не Эдичка.
Лягу, буду лежать, пока не прилетят три ангела и не скажут «Ванечка» —
Это я когда-то пошутил при депрессии.
Вот уж вовек, никогда такого не будет.
И вообще, пошли они, эти ангелы, никогда ничего путного не скажут.

Я просто хотел рассказать историю про Ларису.
Как она живет, какие у неё качества,
немного о наших с ней отношениях.
Даже не про любовь, я про Ларису хотел, она редкостный экземпляр,
а если бы вы видели, как она бегает, вообще бы умерли.
Но зашифровать это в литературный текст, увы, сложно.
Как хотелось бы нанести Ларису на эти листки полностью, до последней буквы.
И полюбить здесь. А в жизни — разлюбить и не мучиться.
Не выходит Пигмалион шиворот-навыворот.
Не нравится мне, хоть убей, поэма.
А Лариса нравится.
Только что всё-таки поговорил с ней по телефону.
В детстве я придумал, что если кино — великий немой, то телефон — великий слепой, точно.
Он к тому же ещё и дорогой, зараза.
И почему-то голос моей собеседницы звучит с отчетливым эхом —
это чтобы подчеркнуть разделившую нас с Ларисой пропасть.
Нет Ларисы, один голосок из трубки.
И никаких вещественных доказательств.
...Сижу. Прислушиваюсь к своим вялым мыслям.
А мысли все стучат себе старую песню: Лариса, Лариса.
Если много раз повторить слово Лариса, получится английское «salary» — зарплата.

Следовательно, Лариса — награда, её нужно заслужить, заработать.
Постараюсь. Впрочем, уже рукой подать до «солярис».
Был еще такой литовский телевизор «Шилялис» — этакий солярис в слегка шепелявом виде.
Однако всё это в некоторой степени бесполезно:
если много раз повторить «Лариса», во рту ощущается некоторая сухость.

...Я вот всячески критикую Ларису,
А ведь она носит меня с собой, как тайну.
(Не могу сказать по-другому. Именно: носит.)
И может быть, несколько секунд из наших с ней отношений
хранит в потайном ящичке, как какую-нибудь вещицу.
Каждому бывает нужно иногда взять какую-нибудь минутку,
спрятать на память и носить с собой в медальоне.
Потом улучить другую минутку, открыть медальон и рассматривать ту:
она, кажется, очень большая ценность.
Что-то в её отношении ко мне есть очень такое нежное.
(Надеюсь, что поскольку я Ларисе не нравлюсь,
она ведет себя со мной объективно, т.е. ничего не делает на публику, как сама с собой.
Сужу по себе. Если некто в меня влюблён,
я могу даже не заметить — веду себя, как ведётся.
Если так — я описываю более или менее настоящую Ларису.
Конечно, сквозь призму калейдоскопа своей сумасшедшей предвзятости (прощай, вкус!))

Только упорный каждодневный упорядоченный труд
только кропотливый упорный каждодневный труд
только упорный кропотливый самоотверженный труд
только упорядоченный уравновешенный кропотливый труд
пусть даже не уравновешенный, а сумбурный, но упорный самоотверженный труд
может спасти меня от этого беспросветного удушья
пока ещё не поздно, выковырять из лап подбитого падающего коршуна
из страшной клокочущей пасти раненого, умирающего ящера:
во всём окружающем проявляются его самые зловещие качества.

Итак, несколько дней назад я принял решение:
нужно мне прекратить с Ларисой раз и навсегда.

«Торжественный перенос столицы из Ларисы в другое место назначен...»

Ох, не смешно, самому себе не смешная шутка.

Теперь только упорный и еще какой-то там труд (см. выше).

Только эта дурацкая поэма, идеализм, какая-никакая работа.

И когда придет милая, ни о чем не подозревающая Лариса
и у меня стукнет сердце, а у неё на лице появится мягкое детское любопытство,
как всегда при виде меня, если хоть чуть-чуть Лариса в настроении,
а я так люблю её, но решил – стоп!, а почему,
объясню ей примерно в следующих выражениях:

«Хотя и противоречит моей душевной конфигурации говорить такие вещи,

но не должны мы больше встречаться с тобой, Лариса,
потому что тебе всё равно ни к чему мои нежности
(всё равно ты меня не любишь).

Смиряюсь.

Извини, выходит, морочил тебе голову.

Halt. А то у меня лопнет сердце, я тебя забрызгаю, и тебе будет противно.

Вот до меня и дошло, наконец, что у нас впереди: одна безнадёжность».

Брр.

Хорошо, что написал, вижу теперь, как это по-свински и глупо.

Лучше вообще ничего не говорить. Просто не позвонить и исчезнуть.

А через несколько дней мне стыдно:

клялся больше не звонить Ларисе,

когда решил порвать с ней окончательно, навсегда,

и даже в честь этого воткнул в шкаф небольшую отвертку.

А теперь вот не выдержал, позвонил.

Что со мной не то? Всё не то.

Господи, ну что я в конце концов за ничтожество!

Не удержал себя в руках.

Лариса меня обругала по телефону «дураком».

(Это я вру. Ничего не обругала).

Но она была раздражена разговором.
Наверное, позвонил не вовремя.
Я не вовремя. Лариса не вовремя. Всё это не вовремя — это Ларисина мысль.
Ну что за человек — только что был оплотом нордичности и рассудка.
И снова эмоции! эмоции! Черт бы их побрал, эмоции!

Закурил, перечитал с тоской все написанное и воскликнул:
«Ах, какая мелкая, однообразная поэма!»
Всё Лариса, Лариса, Лариса, Лариса, Лариса —
тоска, а не поэма. («Жизнь похожа на плохое кино», — не устает повторять соседка Лена.)
Точно. Дрянь.
Хочется дописать уже поскорей и издать 100 — 200 экземпляров за свой счет,
и посвятить это, как ни странно, моему папе
(это его стиль! его психология!).

...Молодой человек без внутренних прав на существование (я, автор)
знакомится с Ларисой Б., студенткой ВГИК, сценарное отделение.
(Персонаж не выдуманный, а совсем реально существующая девушка.)
Молодой человек испытывает сильные чувства.
Б. говорит, что никаких чувств не испытывает,

и не только к молодому человеку, но вообще — труп.
Это наводит ухажёра на размышления.
Он проявляет пылкую юношескую настойчивость и большой эгоизм,
за что бывает порою жестоко наказан.
Лариса улетает в родной город Актау, что неизвестно где, далеко.
Иногда они разговаривают по телефону: получается глупо.
Их письма проглатывает почта, как сломанный автомат — монетки.
Над молодым человеком уже все смеются. А он пытается описать события этого романа в поэме.
Лариса любит не любит молодого человека, в общем, ничего не понятно.
В поэме три переезда, штук 10 ссор, одни провода самолёта.
И даже где-то употребляется слово «пассионарность».
Но основная тема поэмы — Лариса, как Ленин, как лучший человек на свете.
А я — её недостойный биограф, пьяница и предатель.
Вчера заходил во дворик, где жила Лариса на чердаке зимой:
окошко задёрнуто, закрыто, никого там нет.
Небольшой пустырь перед домом вместо грязных сугробов покрыли сорные травы.
Жарко, лето, но всё как-то странно знакомо.
Стать бы, сложить руки рупором и закричать, как зимой: «Лариса!»
Стою посреди двора, ссутулившись, словно старый.
Мимо девушка бежит с синим воздушным шариком — оглянулась.

А я — тяжелый, усталый, внутренне бессмысленный без Ларисы, —
как свинцово-сумрачный сгусток, незаконноопущенный в это лето (прощай, прощай, вкус).
Лети же хоть ты к облакам, моя неуклюжая поэма.
Лети в качестве синего воздушного шарика, которого у меня нет!

IV

Экспедиция всё идёт, идёт на север
и в очередной раз промахивается мимо полюса.
Смотрят — опять юг.
Поворачивай назад — тявкают собаки в упряжках.
Побежали за снежные барханы полюс искать.
Пожелаем им всего наилучшего.
Ночь на решающее воскресенье. Завтра приезжает Лариса.
Рейс 604, аэропорт Внуково, в 16.10 она прилетит.
Во мне задрожало всё. Что будет?
А получилось так нелепо, что не стоит писать — едва ли не разминулись.
Как она здорово загорела! Красивая...
Кошечка Маша так выросла, что я её не узнал.
А у меня на дне лежал, как вещественное доказательство моей подлости,
мой омерзительный заговор: уйти, уйти.
Лариса не знает, улыбается,
рассказывает истории про то, как она летела.

Когда ехали в маршрутке, так придирчиво на меня посмотрела.
И правда, на лице у неё получилось такое милое, детсковатое любопытство.
А я еду — и думаю о своём заговоре, как приведу его в исполнение.
Это преступление — оставить такое чудесное существо, как Лариса.
Очень тяжело на душе. Довёз Ларису до общежития, выпили чаю, ушел.
И с этим отравленным зернышком внутри я ехал в поезде и думал: кто я?
Жил 25 лет, едрёна вошь, я как я, а теперь — кто? Не знаю.
Нет для меня ни хорошего, ни плохого.
Нет ни нравится, ни не нравится.
А есть зато красиво и некрасиво.
И красиво в данном случае не получается, а получается, увы, неказисто.
И литература для меня одно, а жизнь — другое,
а эта поэма — третье, среднее первого и второго.
Пытаюсь описывать всё как было — получается плохо.
Пытаюсь писать хорошо — выходит не совсем правда.
С другой стороны — жил 25 лет, едрёна вошь, и думал: как писать стихи?
Да вот так, собственно, и писать стихи!
Хотя чего это я разошелся? Кто такой буду? По-прежнему не уверен...
а) Бесталанный ухажер. б) Весьма неумелый житель.
в) ...и уж конечно, никакой не писатель,
а обычный фантазер, каких мало.

Родился в 1972 году мальчик,
прожил 25 лет, и подвел предварительные итоги:
не заладилось.

И еще одно маленькое резюме: 1 октября 1997 года
Лариса две или три недели в Москве — всё по старому:
хожу за ней,
вожу в кино, в гости,
ремонтирую наушники для плеера,
силы расстаться с ней нет.
Одно — новое:
смотрим друг другу в глаза подолгу.
«А я и не знала, что смогу играть в гляделки», — говорит Лариса.
Мы в общежитии, стоим и ждем лифта,
смотрим друг на друга — такое удовольствие.
Я пытаюсь придать своему взгляду побольше нежности.
Неминуемо улыбаюсь. Улыбается и Лариса
Это о чем-то говорит. «Ни о чем не говорит, —
сказала бы, наверное, Лариса, — взгляд — не улика и ни к чему не обязывает», —
но я мысленно фотографирую каждый такой взгляд

и Ларисино лицо, позу, состояние прически, и как Лариса одета,
чтобы потом, когда всё пройдет, закончится,
греться изнутри хотя бы Ларисиными портретами.
Вдруг приезжает лифт, и тут я вспоминаю,
как Лариса в тщательно подобранных выражениях
неоднократно объясняла мне, как ей на меня плевать.
Втягиваюсь, как улитка, теряюсь (что же она теперь смотрит?!).
Как нестерпимо-двусмысленно моё положение!
«Опять испортился», — говорит наблюдательная Лариса, заметив в моей внешности перемену.
Её это раздражает — неудивительно.
Меня Ларисина реакция еще более удручает.
...А Лариса уже не смотрит, отвернулась, скучает,
и что за интерес разговаривать с человеком,
который вот был ничего, нормальный,
и вдруг уменьшился в 18 раз, стал сморщенный, гадкий.
Прошаюсь повежливее, беру за руку — Лариса отдергивается, как от таракана.
Ну, хватит.
Когда уже это кончится?
Я даже написал Ларисе прощальное письмо
И ношу его с собой, как Плейшнер — ампулу с ядом.
Греет. В случае чего — ам! — вручу Ларисе.
Всё, скажу, Лариса, the end, конец фильма.

А Лариса не знает, Господи, насколько она меня лучше!
Лариса меня так пристально изучает, смотрит.
Годен — не годен — сколько для нее существует «за» и «против».
Лариса, как выяснилось, типичная «женщина тяжелого поведения»:
не способна на чувства, а способна на «отношения».
А мои по этому поводу ощущения сто лет не нужны Ларисе.
А мне, дураку, нужны фантастика, приключения!
Смотрим друг на друга часами...
«На меня это нагоняет сон», — говорит Лариса.
А мне от этого, черт возьми, приходят на ум
самые смелые эротические предположения!

Договорились печатать фотографии вместе.
Лариса принесла плеер, включили колонки.
Я люблю возиться с фотографиями, когда на ухо стрекочет радио.
Лариса такая мягкая, женственная.
Чуть попечатали — смотрю — совсем засыпает моя девочка.
Я её отвел на кровать.
— Всё в полоску, — сказала сонная Лариса, —
 простыня в полоску
 свитер в полоску
 рубашка в полоску

другой свитер в полоску
носки в полоску
другие носки в полоску
мои вельветовые штаны, естественно, в полоску
Ларисины колготки в полоску
юбка — гофре — тоже, можно сказать, в полоску.

— Открою тебе один секрет: у меня и трусы в полоску, — сказал я.

— А у меня — не в полоску, — сказала Лариса и с этими словами уснула.

А я пошел доделывать фотографии.

Через день продолжили. Теперь Лариса командовала, а я был ассистент.

Лариса талантлива, у неё выходят отличные снимки.

Потом у Ларисы на работе многие увеличили свои портреты и повесили на стенки.

Ну вот мы и закончили.

Лариса как никогда была со мной ласкова,

но я взял себя в руки и запретил себе любые поползновения.

Уже как-то изображал мужчину, думаю, — и что из этого вышло?

Всё равно она ведь меня не любит, думаю, сколько раз говорила,

а захочет чего-нибудь, думаю, — не маленькая, сама скажет.

Я стал подчеркнуто вежлив, сказал, что ложусь спать, залез на диванчик с пледом.

Лариса, похоже, приобиделась. Потушила свет, легла на кровать.

«Спокойной ночи», — фальшивым голосом сказал я.

«Ах да, нужно сказать «спокойной ночи», — саркастически сказала из темноты Лариса.

...И заснул я часов в 8 утра, если вообще заснул.

Полночи проклинал себя последними словами,
а она всё во сне шевелилась и бормотала — может, слышала?

Утром сказала: «Ты что-то беспокойно спал!

Я просыпалась — ты всё вздыхал, ворочался».

Может быть, этой трусливой ночи мне Лариса тоже не простит.

А у нее спросить — засмеется, никогда не скажет.

Вот так — раз — и невнятное пятно на воспоминаниях.

Сиди теперь с ними, разбирайся.

Лариса, а вдруг ты завтра умрешь, или я умру,

и тот, кто останется, будет носить в себе эту последнюю глупую ноту.

Потом долго ли коротко будет это переживать, «замазывать» (Лариса).

А нужно, чтобы оставалось от тебя/меня

Светлое пятно, ветерок, звездочка.

У меня в голове давно уж висит агитационный плакат:

«Соблюдайте гигиену прошлого!»

Я подарил Ларисе красивую лилию,

да разве лилия может что-то спасти?

Хочу помириться. Мы поссорились.
Я отходчивый, у меня прошло, а Ларисе плохо.
Мне-то что, а Ларисе больно, у Ларисы шрам.
Вот так — живёшь, и вдруг оказываешься плохим человеком.
Меж тем настала ранняя зима. Снежок.
Стало легче дышать. Так всё вокруг бело, мило.
Черная земля под снегом не то чтоб спряталась, а как бы забылась, стерлась из памяти.
Любуюсь погодой. Успеет ещё надоесть.
Над Яузой поднимается пар. Грязная, теплая —
течет под мостом. По дороге во ВГИК скользко.
Воздух сырой, пролезает сквозь штаны, жжёт.
Лариса опять сказала, что не хочет меня видеть.
Швырнула в меня из окна плиткой шоколада, которую я принёс.
Иду к ней всё равно. Все равно отчаянно, весело.
Я написал первый раз в жизни любовное письмо.
Не совсем любовное — так, объяснительное.
Пришел во ВГИК. Жду, когда закончится лекция.
Смотрю в замочную скважину — Ларисы не видно.
Как долго я ждал! А всего-то минут 15.
Разволновался. В детстве так волновался перед экзаменами.
Открывается дверь, вываливаются студенты.

Я подскочил к Ларисе, сунул ей конверт: «Это вам!».

Убежал.

Только бы она услышала.

Только бы она услышала.

Только бы она услышала.

Вот ведь — смотрел в детстве на окружающих взрослых и думал:

ну нет, у нас всё по-другому будет, лучше, тоньше.

Будем слушать, что другой говорит, будем чуткими, деликатными.

А на деле выходит всё то же, такое же.

Почему?

Думал: кто это пишет плохие книги?

Кто снимает плохие фильмы и телепередачи?

Нет, думал, мы вырастем, будем делать всё по-другому, хорошее.

А вот теперь один старый знакомый пишет плохие книги,

другой снимает пошлые передачи,

третий сочиняет дурацкие песни.

Да и я потихоньку приучился халтурить.

И Ларисе вот говорю гадости,

когда вылезает наружу пустое, необоснованное самолюбие,

как это нелепо! неблагоприятно! откуда это берётся?

Иду к метро, унываю, и все что ни попадает на глаза, олицетворяет растерянность.

Следующее утро бывает особенно страшным,
тем, что нужно встать и сварить себе еду:
биологическая жизнь продолжается
вопреки здравому смыслу:
умереть этой ночью было моим красивым романтическим долгом.
Просто очень хочется как-нибудь умереть, кроме шуток, по-настоящему.
А то любил вроде бы по-настоящему, верил — а так и ни разу не умер.
Это по-своему очень жестоко:
такой примат физического над духовным.
Но, видимо, мудро. Чувствуешь себя, в конечном итоге,
просто впечатлительной обезьяной.
Мерзость!
Я, правда, всё время сосредоточен на своих ощущениях.
А вот мою любимую девушку Ларису не чувствую, как она хочет.
Ларисе нужны не те реакции, не те жесты.
«Нутро у тебя дурацкое», — сказала как-то Лариса на станции метро Краснопресненская.
Неужели мы так трагически не подходим друг другу?
Лариса ведь тоже меня любит, но это совсем другое

и я со своей сострадательной психологией
где любовь получается во многом из жалости,
и Лариса, которая «не понимаю, что за удовольствие за кем-то больным ухаживать?», как Евгений Онегин —
две вещи несовместные, считает Лариса.
А мне вот первый раз в жизни видится картина:
Лариса, я и маленькие совместные дети.
Где правда?
А где критерии?
У меня такое ощущение, что всё это написал Льюис Кэррол.
Алиса-Лариса — разница в три ничтожные буквы, —
а на самом деле — какая разница, так они похожи.
А поэма — апокрифическая «Лариса в стране чудес», рассказанная безумным болванщиком (т.е. мной),
которого единственный грех — что он всё хотел спеть песню про филина (рассказать историю про Ларису).
А ещё откусил от рассеянности кусочек чашки. (Что от чего откусил? Понятно?)
И вообще, плохо кончил: надоел Алисе — Ларисе.
...Хотя зачем ходить так далеко в зарубежную литературу?
И так давно уже ясно, что Лариса это Евгений Онегин.
А я — по настроению: иногда — Ленский, а когда и — Татьяна.
(Вот только что никогда не Пушкин.) Ну и ладно.
Когда Татьяна, пишу Ларисе длинные письма.
Когда Ленский, пишу эту злополучную поэму.

А Лариса, чтобы прогнать тоску, погружается в домашние заботы, как Евгений Онегин.
Ходит, как Евгений Онегин.

Вот только что не курит, как Евгений Онегин:
странно, Лариса не курит и никогда вообще не курила.

Меня это удивило в самом начале знакомства:
Лариса с сигаретой — было бы гораздо логичнее.

Теперь-то меня уже ничего не удивляет.
Теперь-то я знаю, что Ларису изобрёл Льюис Кэррол!

Ларисе был нужен друг, а мне хотелось красивого романа.
— Ты, вообще, умеешь дружить? — спрашивает Лариса с большим укором.

Ей хочется Взаимопроникновения, Понимания, «Контакта».

А я человек замкнутый, стесняюсь.

У меня, как назло, такой период:
хочется со всеми на «вы», с дистанцией, с вежливостью,
и Ларису хочется наблюдать, а не участвовать.

Стать невидимкой. Иногда подойти, поцеловать сзади в шею.

А Ларисе нужно с кем поболтать, повеселиться, съездить на пляж.

Церемонно поужинать. Потом — нежности.

Хочется ей, чтобы я угадывал её заветные мысли и желания.

И вообще, кто-нибудь потолстокожее подошел бы ей.

— Зачем мне такой же больной, как я, — прямодушно говорит Лариса.

И правда. Чего это я решил, что — нормальный?

Я как есть и Лариса как есть, и точка.

Мы разные — и в этом, считаю, большая особенная прелесть.

И разве это мешает ощутить себя равными, одинаково большими?

А Лариса считает: Ваня — говно, а Лариса — особенная принцесса.

Ни шагу назад: вот политика Ларисы.

— Я не извиняюсь, — предупреждает Лариса. Ишь ты.

Ларисе нужны дамы и кавалеры — выдуманные культурные стереотипы.

Я готов стать даже кавалером.

Да только какой с меня кавалер? Лариса вон увидела хорошие туфли.

А я не мог их купить, не было денег.

Лариса как-то сама купила. До сих пор себе не прощу.

В этих чудесных туфлях Лариса становится выше меня ростом — мы смешная пара.

А теперь, зимой, у Ларисы порвались сапожки, а я не могу купить ей другие.

Это так унижительно — не мочь купить своей женщине достойную одежду и обувь!

Вот вам и кавалер.

А Ларисе, наверное, хочется, чтобы её повели в ресторан, к красавцам.

Далась же Ларисе эта Ларисина психология: «мужчины», «женщины».

Лариса, я же не виноват, что таким родился,

что у меня между ног там что-то болтается,

а у тебя ничего не болтается, а — дырочка.

Но душа, душа-то — одинаково тонкая.

Душа не зависит от физиологических подробностей.

Позволю себе разразиться по этому поводу маленьким манифестом:

...«Мужское» и «Женское» — суть приобретённые, довольно поверхностные матрицы поведения.

Мужчина или женщина ты — некое физиологическое уточнение, и не боле.

А уж почему определённому типу строения организма

ставят в соответствие определённую психологию,

нужно спросить скорее у культурологов, чем у медиков.

В начале века об этом размышлял Отто Вейнингер.

И я — туда же. В эти соблазнительные, полные открытий Америки дебри.

Однажды ночью, когда Лариса спала на моей кровати,

а мне не спалось после очередной полуссоры и я сидел на кухне,

я написал, мысленно обращаясь к Ларисе, всё как есть, как я в самом деле думаю.

Писал, прям, и приговаривал про себя:

credo!

«Может быть, я неверно воспитан,

Но получаю мало удовольствия от потребления телешоу, торта, новой рубашки.

А получаю удовольствие от книги, фильма, музыкального произведения.

И слёзы у меня от этого текут, и в жар, и мурашки.

И еще больше — от чувства и, извините, от вдохновения,
будто находишь старый заброшенный дом в степи,
бродишь по комнатам, безучастно вертишь в руках предметы:
расческу, обрывок фотографии, ржавый нож;
искусство для меня, вообще, средство уединения, а не общения.
Отодвинулся, ушел в свою степь, заперся, и — люблюсь.
Балуюсь, умираю, только, пожалуйста, не мешайте, а?
Я умею созерцать как-то так, что при этом что-то произвожу, конструктивно.
И в этом чувстве есть красота, моя маленькая большая свобода.
О, это захватывает, в этом есть настоящее очарование,
Да, *fascination*, именно это английское слово в самом волшебном из своих смыслов.
(Ах, он так увлеченно говорит — улыбается себе Лариса.)
Проклятье! Не в том дело, как я там что-то говорю, а в данном случае — что говорю!
(Обида: он так серьезно к своим мыслям относится! Фу, какой важный.)
Нет! Дура!
Это не мысли — мои, а я — их!
Это я им принадлежу.
И это высшее доступное мне блаженство:
быть осознанно одержимым, обладаемым
(пассивный залог слова «обладать» по-русски звучит несколько нелепо).
Это та субстанция, которой пропитаны книги писателя Жене:
полностью, безо всякой цели,

не безвольно отдаться на съедение волн,
но дать свою волю чему-то, что само почти — воля.
Это чувство, может быть, на десятом киселе родственник неведомой мне вере.
И ты, Лариса, сейчас разговариваешь не со мной, а с Этим.
(Разве это мысль? Это фейерверк, подводная лодка, крушение!)
И если не хочешь понимать, о чем я говорю,
значит, тебе, видимо, чуждо это ощущение
и тебе важнее брезговать моими полотенцами,
чем вслушиваться по ночам в биение везде чужого необычного сердца:
тук! тук! тук!»

....Тысяча извинений за нечаянный пафос: не могу молчать
Всё, всё, больше не буду, пятиминутка обезоруживающей честности окончена.
Вообще-то я не часто бываю так омерзительно дидактичен.
Приходя к Ларисе я скорее весьма романтичен, взвинчен.
А Лариса телевизор смотрит — ей до меня ли?
Пытаюсь рассказать смешной случай — не слушает — начинаю рассуждать о культуре.
— Ты сегодня Бубнилка, — говорит Лариса.
У меня всё сжалось от нежности к ней.
Даже сейчас, когда я это написал.
Лариса, знай, ты меня этим Бубнилкой,

Может быть, навсегда сделала своим, влюбила!
Помните, может, в научно-популярной литературе
фигурируют новгородские берестяные грамоты мальчика Онфима.
Мальчик Онфим изучал азбуку, арифметику, рисовал смешных всадников
с трогательными граблями вместо рук.
Всё плохо сохранилось. Обрывки, каракули.
Но из этого получается удивительный мальчик Онфим,
которого и жалко как-то по особенному.
Потому что он — мальчик, который уже несколько сот лет мертв.
Вот и моя бяка-закаляка-поэма
этакая не литература, а берестяная грамота.
Ну не азбуку изучаю, а другое, хотя всё равно — азбуку.
И смысл не в том, чтобы сделаться, как Онфим, мертвым мальчиком,
хотя и от этого никуда не уйдешь.
А в том, что если это работает, то работает, как берестяная грамота,
а не как художественное, эстетическое.
Повторяю в последний раз: поставьте мне и Ларисе, пожалуйста, памятник;
и еще, пожалуйста, неподалеку, памятник мальчику Онфиму.

...А между тем всё уже кончилось.

Да, эти последние страницы я дописываю, просто чтобы дописать.

И это «всё кончилось» заставлял себя написать так долго,
а написал — всё равно не верю.
Господи, ну почему у меня есть шрам, а родинки — нету?
Нет, не кончилось. Кончилось — это Ларисина выдумка, инициатива.
Кончилось, да не так. В финале должны быть другие ноты, я знаю.
Получил, сволочь? А ещё сам кричал: прекратим, прекратим, расстанемся.
К Ларисе приехала её подруга Лариса. (Кроме шуток. Так её зовут.)
У Ларисы-2 был день рожденья.
Мы встретились в метро Тургеневская
и поехали ко мне. Я был чем-то расстроен.
«Он иногда любит показаться грустным», — ласково сказала Лариса.
Тут я почему-то очень холодно и зло заметил:
«Не нужно говорить о человеке в третьем лице в его присутствии».
Будь я проклят.
Лариса побледнела от несправедливой обиды.
«Мне — ты мог этого не говорить», — Лариса отвернулась.
Я пытался извиниться — всё мимо.
«Извините, что воспользовались вашим гостеприимством», — или что-то в этом роде —
Лариса сказала еще несколько гадостей.
Бедная Лариса-2 половины не расслышала и не понимала, в чем дело.
Всё-таки приехали ко мне.

Но день рождения был совсем испорчен.

Лариса уединилась в маленькой комнате и невидящими ненавидящими глазами смотрела в журнал

«Новая Юность».

Лариса-2 укрылась с головой одеялом и отвернулась лицом к стене

Я пытался успокоить Ларису.

Она сказала, что я самовлюблённый юноша и её не интересую.

В конце концов кое-как посидели, выпили «Клюквы».

Когда Лариса уснула, я пошел к ней в комнату,

долго держал её за руку как можно нежнее.

Как грустно!

Утром ушла холоднее прежнего.

Следующую ночь они провели в других гостях.

Звоню — отвечает Лариса-2, Лариса не хочет разговаривать.

Я расстроился. «Ты думаешь, всё кончено?» — мелодраматически спросила Лариса-2.

«Надеюсь, что нет».

На следующий день мы гуляли с Максимом Скворцовым.

Зашли к Ларисам, нас пригласили на чай.

Лариса-2 должна была уезжать, но оказалось, в тот день уезжать не получится,

и Ларисе-2 нужно переночевать два дня у меня.

Сидели, пили чай, ели картошку.

Я молчал, Лариса на меня не смотрела.

Но Максим развлёк девушек интересным разговором, он это умеет.

В результате я и Лариса-2 поехали ко мне, на Рязанку.

«Ну что, есть прогресс?» — спрашивает Лариса-2. Она дружески сопереживает эту историю.

«Нет», — говорю. Приехали, выпили чаю

«Ты не чувствуешь, сам не понимаешь, что говоришь», — сказала Лариса-2.

«Знаю, но я же хочу чувствовать, хочу научиться», — я был в отчаянии совсем.

Утром поехали с Ларисой-2 в город.

«Я хочу быть честным, — объяснял я свою позицию, — нельзя ничего строить на обмане».

«Никому не нужна честность, — говорила Лариса-2, — обман можно растушевать потом, когда всё наладится».

«Я готов на компромисс, готов уступать и прощать, — но чтобы всё было глаза-в-глаза, по-человечески, без игр.»

«Лариса сказала, что не хочет никаких компромиссов», — сказала Лариса-2.

Я проводил её до Ларисиной работы, а вечером она снова приехала, я встретил её в метро; приехал и Максим. Потом неожиданно приехала Лариса.

«О! Весь дурдом в сборе», — сказала она.

Кажется, оттаяла немножко, даже задала мне несколько вопросов.

Несколько раз улыбнулась.

Я старался поменьше говорить, чтобы не раздражать её.

Посидели, поболтали немного.

Утром Лариса проспала, спешила на английский.

Лариса-2 должна уезжать.

Я почувствовал, что у них с Максимом возникла симпатия.

И остался дома, они поехали вдвоём отвозить вещи в камеру хранения.

Начались неприятности.

Оказывается, прозевал хорошую постоянную работу за 6 долл. в час.

Телефонный аппарат упал и разбился, я долго чинил его.

Вечером поехал в общежитие за Ларисами, провожать на вокзал.

Встретил у дверей уходящего Максима: он всё провожал Ларису-2.

Постояли, покурили. У Максима совсем расстроены чувства, пошел домой.

Я поднялся наверх, выпили чаю, поехали на Казанский вокзал.

По дороге — ничего, даже говорили о чем-то.

Но как только проводили Ларису-2 и остались вдвоём — всё.

Лариса демонстративно вставила в уши плеер.

«Ты совсем не хочешь разговаривать?» — спросил я.

«О чём?» — пожала Лариса плечами.

«Мне туда, — сказала Лариса на станции метро Проспект Мира, —

не нужно меня провожать, я сама знаю дорогу».

«Но я хочу тебя проводить», — настаивал я (было уже 12 ночи).

«Не поднимайся наверх, опоздаешь», — сказала Лариса, когда приехали на ВДНХ.

«Не опоздаю», — я упрямылся.

Поднялись наверх. Меня просто колотило.

«Давай в пятницу повезём от Марины аккордеон?».

«Не надо, я сама как-нибудь справлюсь».

(Это мы говорили еще на эскалаторе.)

Потом не помню.

«Мне лучше одной», — говорила Лариса.

«Да уж чем так, как сейчас — правда, лучше одной».

Мы шли по аллее вдоль трамвайных путей,

по той самой аллее от метро ВДНХ до Рабочего и Колхозницы.

Лариса шла отдельно, совсем независимо от меня,

как она всегда ходит.

А ведь это родной, мой любимый человек идет.

«Лариса, я тебя люблю, понимаешь,

я ничего не могу сделать, я это жег кислотой, а ему — что,

значит, это — настоящее, это что-то значит?»

«...Видимо, это не всегда имеет силу», — после паузы сказала Лариса.

«Видимо, это не всегда бывает взаимно», — сказал я.

Лариса молчала.

Мы подошли к общежитию.

Я остановил её.

Всё.

«Ты ничего не скажешь?»

«Ты, пожалуйста, больше не приходи», — тихо сказала Лариса.

«Ты уверена? Ты точно это хочешь сказать?»

«Да».

Я полез в рюкзак.

«Можно — одну просьбу? Напиши мне это на бумажке, чтобы я не пришел, а то пройдет неделя, — и я приду,

а если напишешь — прочту еще раз — и точно уже не приду».

«Ты что? В игры играешь? — испуганно сказала Лариса. —

Больной! Не буду я ничего писать!»

«Хорошо. Но ты уверена?»

«Да».

«Ты ничего не чувствуешь?» — сказал я и взял Ларису за плечи.

«Ничего, — отвернулась Лариса. —

Кроме сожаления».

конец

февраль — декабрь 97

Спасибо Д. Воденникову за поддержку и помощь в подготовке этого текста к публикации.



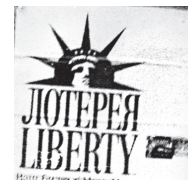
Вроде трилогии

AMZTERDAM.....	85
ΟΖΕΠΕΗΕΝΟΕ	103
ZOO	115



AMZTERDAM
откуда дровишки

dedicated to A.T.



#0

амстердам подброшен в воздух как монетка
тонкий металлический кружок
долго не кончается конфетка
держишь меня за руку дружок

мы стоим и вверх лениво смотрим
амстердам никак не упадет
мы друг друга сказками не кормим
мы пока не знаем что грядет

нам спокойно ни о чем не думать
жить покамест амстердам летит
площадью проходим и клумбой
он переливается блестит

нам приятно это ласковое солнце
нам звенит монетка на ветру
и никак тот звон не оборвется
в вечную пустую тишину

#25

в мск в мск разбей на два суки в подъезде переход другой уровень
интернет карта волчий билет все меня ненавидят
улыбнись в ксерокс на вокзал на хуй в мытищи леша мудак достал
концентрация нормальная заебал выключи выключи выключи выключи
колбаса колбаса мечта всяких психов такая бледная девочка
что за хуй на ровном месте что происходит в соседней комнате
энциклопедия страха микрохирургия глаза тише изольда тихоновна
чебуреки чебуреки откуда дровишки узурпация реальности

#24

с чего начинается молодость и чем она заканчивается так невовремя
мгновенным помешательством после недели знакомства по переписке
что такое реальность? это когда слова обжигают уши
что такое хорошо что такое плохо не знаю, но будет хуже.
вдруг в тебе пробивают прорубь небо отражается в луже
когда раздавали желания мне дали тебя, раздавали призы — тебя не дали
думал: собственно, быть человеком — вообще неудача (посмотрел «догвилль»)
плохо, блядь, быть человеком. только быть дураком еще хуже.
я же не виноват не нарочно ну почему почему так стыдно
говорю о тебе краснею словно по голове ударили
когда раздавали тебя, мне достались слова и несколько неудачных снимков
электронные письма письма письма эти пустые письма
единственный смысл моей полудетской жизни
я же врать почти не умею и эту хуйню не скроешь
да, хули смотришь, вот так и живу, обосравшись.
как родился на этот свет, вот с тех пор не отмоюсь.
вот моя беда мой грех моя первородная глупость
когда раздавили меня посыпалась какая-то гадость

в голове пиздец и к небу взмывают салюты
молодость не кончается никогда только чувствуешь безнадежный привкус
плохо быть дураком. только любить тебя еще хуже.
сердце как камень как самолет летит никому не нужен.

#23

ты хочешь быть талантливо заразной
бежишь всего что связано мной
и этой жизни как бы буржуазной
и этой графомании святой
а я ищу не истины а счастья
не флаг а ящик (правда непростой)
я жизнь свою как гнусную шарманку
кручу своею собственной рукой
я нас с тобой засуну в эту мясорубку
потом из мяса вылеплю цветы
и амстердам и птицу трясогузку
и хуй поймешь где я где он где ты
где мы уж там ни головы ни денег

и телефон по пьянке проебать
когда в кармане 20 евроцентов
хочу любить как циник как бездельник
хочу страдать цыганский неврастеник
хочу за это лимфу проливать

<...>

#20

ИДИЛЛИЯ

нидерланды. часов пять вечера, парк.

(наверняка в амстердаме есть парк, проверить)

прихотливая вязь романтических стихотворных строчек

вьется по стенам беседки подобно лозе дикого винограда

(проверить, растет ли в голландии виноград.

upd. не растет

upd. ну, ивы там, лоза там какая-то хоть растет? хоть что-то растет?

upd. привет юрий лоза. что-то наверное растет)

ну что-ж, к романтике климат не расположен
и ладно. это будет идиллия с кальвинистским уклоном
я ведь поэт-реалист, практик.
из строчек своих корявых лучше сплету корзину
и в корзине принесу тебе как-то утром
сыр, бутылку вина, какую-то хрень, ну, зелень
я верю в открытость, верю в слабость
постучу, откроешь, посмотрю прямо
улыбнешься, отвечу, отнесем на кухню эту корзину-марзину
приготовим легкий аристократический завтрак...
...о, хватит лжи! «реалист». фантазер ты хуев.
вот ведь на что способен в реале
о, ты, то есть я, обычный эстонский парень:
тупой мейл. тупой анонимный коммент.
с умным видом говорить «не курю» а потом собирать окурки все в губной помаде
жрать колеса и с кем ни попадя без любви ебаться.
дурак дураком, а на рыло уж так и совсем мудозвон , прелесть.
не могу, не могу больше, все, ничего не прячу.
просто понял наконец насколько всё без мазы без мазы без мазы.
это пиздец конечно, но я ничего, держусь, стараюсь.
ни во что не верю люблю не надеюсь и не пытаюсь.

#19

я тобой горжусь не скрывая
я себя стыжусь, но не скроюсь
лично мне этот свет не нужен
я согласен на посмертную славу

будут нас с тобой вертеть как зонтик
в руках какой-то изобретательной суки
ну и хуй. слова это мои игрушки
кроме слов вообще ничего нету

мне слова заменили тело
руки губы органы чувства
ты подумай: ну что я теряю?
ничего. для других береги жалость

но пока одни, оцени, ты можешь
ключевые слова: слова, головокружение, чудо
я тебя, кстати, никогда не увижу
это максимум на что я способен.

#18

комсомолец должен быть сентиментальным, писал юрий олеша.
укуренный в говно я смотрел на тебя и почти плакал
о, куда завела меня моя кривая дорога
встретилась мне среди этой бесконечной помойки
ты, открывательница моих неизвестных плюсов
ты моих полюсов амундсен в юпке
хоть думаю юбок мы отродясь не носили
ты только знаешь где у меня какие наколки
как я люблю жрать эту хуйню этот мусор
ебаться с пьяной идиоткой тобой врубив на полную PRMLSCRM
пятый час сердце в висках хуячит
от каждого шага по земле как по воде круги
счастлив как сука как дурак за собой наблюдаю
вы чувствуете, какой из меня прет позитив?
даже вопреки всему несмотря на нахуй
поободрать шелуху и опять как новый
помнить, что слова это не больше чем звуки
помнить, что мы просто два таких организма
мне важна здесь не целость а интенция поза

между мной и миром слова как смазка
икона ирония меня бережет я это знаю со школы.
кончилась SWASTIKA EYES
выхожу из пике приземляюсь на работе завалы
вот кстати как она заебала пошла она на хуй эта работа за деньги
вся эта ебаная халтура реклама аранжировки
читатель ждет уж рифмы упокой
но не дождется

#17

кто? изверги придумали меня
кто? чудища меня нарисовали
сказали мне что можно что нельзя
и к жизни как к ракете привязали

кто в мир меня забросил словно в тыл
кто жить меня заставил и позволил
а я уж все что можно провалил
все предал продал пропил опозорил

...невидимые руки из-за штор
и месяцы бессонные без чисел
тебя в меня воткнули как укол
тебя мне в сердце вставили как выстрел

вы кто меня лишил небытия
и имя мне приклеили как ценник
ваш мир блесна. об этом знаю я
и ночь пресна холодная змея
без страхов без поллюций без истерик

#16

когда тебя встречаю, чувствую себя дураком.
что говорить. им в этот момент и являюсь.
покраснел и в снег головой как бы в шутку.
под снегом была железяка. лоб горит распухает
от смеха звенит от мороза от страха от чуда
в небе трамвам трамваи трамваи трамваи

#15

когда все кончилось
я не решил задачу
в себя пришел как в заколоченную дачу
приехал в мае для ревизии хозяин:
увидел пыль и банки
какие-то пустые. я же
увидел тела этого абсурд:
какой-то стук внутри бессмысленный чужой
и этот голос резкий бестолковый
я весь беспомощный, я весь, пардон, нагой
я в полной пустоте одной ногой
другой ногой — да и другой пожалуй там же.
я там уже. все тот же. вся хуйня всё та же.
вчера мне снился киев киев киев
что, киев киев? киев ни при чем.
князья не дураки, секли, где град поставить
переминаюсь с ноги на ногу стою
я не имею права говорить «люблю»
я лишая себя этого последнего слова
я вас люблю стокгольм берлин и прага

дублин дублин дублин интернет-кафе в дублине
копенгаген мюнхен ленинград тюмень томск
три восьмерки в номере это что-то кому-то будет
ехать ехать ялта алушта сухуми батуми
телефоны телефоны телефоны адреса телефоны
знакомых в городе ноль целых ноль десятых ноль сотых ноль тысячных ноль миллионных
я срываю со слов погоны
я лишаю их последнего звука
этот текст расстрелян
его больше не существует

<...>

#11 сентиментальный

амстердам на волоске от смерти. в черной вышине повисла бомба. воеет ветер. шепчут в ухо черти. сердце бьется красная амёба. через миг все кончено возможно. жизнь как пароход перевернется. я вопрос поставил осторожно. если тронешь — сердце разорвется. ...но не тронешь. на хуй нам проблемы? обойдешь

расставленные сети. улыбнешься, поменяешь тему. мы с тобою опытные дети. мы с тобою умные как черти. одеялом амстердам укурю. и опять на волоске от смерти валерьянкой бомбу успокою. (а потом конечно даты, годы (просто не могу остановиться) скажут амстердам прогноз погоды и амёба перестанет биться)

#10 морализируя

надписи хуй deesche mode зенит стрелка ватерклозет
вывески бар игровые автоматы ресторан буфет
мемориальные доски со светящимися буквами
здесь были мы! молодыми были! да сплыли. спрятались за стеклами мутными
вот эти кофейни, в которых умирали-умирали, да так и не умерли
еще до того как недолгое наше счастье доели сумерки
серые волки драные нас в клочья рвали как сладкую вату
кто виноват? мы виноваты. сами во всем виноваты.
по ночному городу пафосно как отточенные коньки скользили
и носили прически лакмусовые в головах золотые сквозняки сквозили.
ведь сами себя недорого продали, разменяли а когда и даром.
а мемориальные вывески освещали спальни холодным зловещим пожаром.

в кино снимались, раз и обосрались, кино оказалось так себе
герои наркоманы алкаши и лузеры сорта третьего максимум
и не о чем говорить короче, достал стонать, тоже нашел тему для ностальгии, вся в ася.
но были мы были мы повторяю я как кассир про рубли в обворованной кассе.

что еще за «мы» спросите? ну я, это, я, последняя блядь несмешная буква.
«мы» это чтобы не так одиноко было. какие там «мы»?
хуй там.

<...>

#7

добрая девушка

щас не бывают добрые стихи
ну времена тяжелые пришли
а может у меня недобрый нрав
тем мне дороже доброта в твоих стихах

мы незнакомы, ты там где-то далеко
но вижу я от слов твоих идет добро
и я добрее становлюсь с тобой
сизу и представляю образ твой:

ты за компьютером сидишь совсем одна
и пишешь эти добрые слова
и ночь кругом и освещает монитор
лицо красивое и доброе притом

#6

история о том, как буквы пытались стать больше чем буквы.
история про карнавал, когда на головах колпаки и смешные тыквы.
свежие капли на кафеле привет от на снегу рассыпанной клюквы.
это просто кетчуп какой-то в метро раздавленный, ёб твою мать, тьфу ты!
после драки вялые опускаются руки крюки.
вот блядь только мне дед мороз все подарки достает из жопы.
блядь и номер отключили за неуплату — новость.
и жалеть — глупость, и не жалеть — глупость.
вспоминать как елочные иголки в лицо кололись.

ладно, хули, бывает и печальнее повесть.
наши пружины кончились как кончается в шахте уголь
дверью хлоп и квартира как клавиша домино пусто:пусто
и забыть и забить и плюнуть и поджать бескровные губы
нет, просто глупым стать, не-просто-глупым, навсегда-улыбчиво-глупым.

#5

устал от этого амстердама как и от жизни безрадостной в мск
тексты эти словно их какая унылая контора лабает
психануть расхуячить клавишу об стену но это не мой стайл
писать тебе моя мания уже ни слов ни воздуха не хватает
я рыцарь блядь самого печального контура
здравствуйте, дама не моего горизонта
слова без цвета запаха симптомы синонимы
германия германия диссертация аспирантура
есть конечно и поважнее вещи, но они не для комментариев
будешь сидеть у компа тихой иностранной ночью

наебашишься алкоголем и сопли сопли блядь тихие сопли
а у меня один друг остался. его зовут андрей артур фамилия шлагбаум шопенгауэр.

#4

здравствуй государыня птичка

вот пристала

кыш!

#3

...извини за всхлипы, проехали, хватит. я уже знаю, что будет, всё равно друг во друге для друга места не хватит. это как снег, как погода, для нас ничего друг во друге не светит. а свобода эта дура собака как газ, лает, веселит, но не греет. и вот опять почему не пять лет назад, блядь, ну что за хуйня-то? и живи на этой ебаной планете как в анкете: такой-то, такая-то, ты-то? я-то? и все-таки больше чем строчки мы, знаем, какое оно бывает. ишь, искра меж нами сверкнула как око темна, вот она согревает. лишь, пожалуй, она от ничего отделяет, пока дышится кое-как, пока изнутри блядь как у окуджавы (он-то при чем здесь?) птичка-дура-всему-цена вылетает.



#2

иначе и быть не могло

#1

хуй

3-5 декабря 2004 года



ОЗЕПЕНЁНОЕ

<...>

оцепенел пейзаж попятился во мглу
я тайну чую будто тошноту
вопрос во рту немом глоток во рту.
ну, говори. я жду.

как в плащ в меня моё никто одето
как в сон в природу ничего одето
и мир на пустоту набросили платок
и так красиво это.

глупо это.

<...>

мы беженцы в неоновом саду
а что за праздник то не наше дело
подайте христа радио молчит
о чем не знаю да и некого просить
я здесь никто
среди счастливых тел
мне нечем быть
тебе выходит тоже
но ты не видишь. кажется живёшь
а то сквозняк надул тебя как штору.
нет, не смешно. а там, глядишь, поймёшь.
но не сегодня.

молчу.
ок, скажу, но не сейчас
под нами чёрная вода
без дна

а ты не видишь
(когда кладут асфальт, смола такая)
а нужно только на спину упасть
и плыть и плыть распятыми на льдинах
и вверх смотреть и в тёмное стучать
и друг от друга лиц не отрывать
ты знаешь
но не ценишь.
ха.
не отвечай.

ты лучше. ты как хочешь, я пойду
я голый. я в себе разочарован.
(я тот сквозняк и есть, хоть это и нескромно)
ты так. ты ничего не замечаешь
а я тебя искал
и не нашёл.

<...>

в твоих руках оцепенеть застыть
залить смолой часы чтоб замолчали
не слышать как у них внутри
тихоня всадник скачет и прискачет
и нас в янтарь залить как мух
в зеленое стекло оформить пузырьками
да уж оформлены. а txt теряют формы
да и зачем нужны? ну так поразмышлять
подвигать пешками на лавочке от скуки
из нас получится навроде медальон
два дурака в обнимку на вокзале
ты хороша, но врешь, как воду льешь
я глуп, влюблен и в целом неприличен.
«посредством этой осени чрез парк
со мною объясняется...» (не знаю,
пытался разобрать, но, к счастью, пятна)
«вот эти ветки и глаза твои и запах
мне говорят...» (о боже)
в общем вникнуть лень
— поправь мне здесь. смотри, пальто помято.
я эпитафия себе без жалости в глазах

а без обмана можно но не модно
нет уж позвольте жить не значит врать
но и не врать не значит что-то знать
я жил не честно но вполне правдоподобно

<...>

прохладный уж возьмет меня кольцо
и раздвоённым черным язычком
так сладко сердце мне оближет
укусит и ужалит:
ты
смущён
стою
пытаюсь отвернуться
но отражаешься во всём что окружает

вот что поражает

<...>

мы мебель фон мы декорации стихий
я шкаф стенной где шелуха от лука
ты вешалка повешено пальто
в карманах бедность мелочь и разруха
ну есть и в чучелах видать какой-то смысл
внутри ищу но ничего не заваялось
кому-то может плотский идеал
а по большому — пионерский лагерь
короче ветошь, повод, эпилог
нас можно как портьеры отодвинуть
— мне кажется тебя...
а ты тут ни при чём
переступает идиотский ангел
— мне кажется люблю...
переступет и меня
и вдаль уходит
и насвистывает шлягер.

<...>

хочу открыть тебя как дверь
и сквозь пройти
куда? вот глупость. никуда.
хочу в тебя всмотреться
и разглядеть
но как бы не в тебе, а там, ну, как же объяснить?
и ты взгляни, попробуй, интересно
вдруг я не просто так?
перед тобой врачом разденусь посильней
ну что, видать?
темно.

да ты уж и не смотришь.

<...>

(лжеучоный)

мне то, что будет, точно не известно
но обо многом формулы гласят
что от эмоций ставлю ни во что
я каменный но я же не железный
я жду знамений значит
жду

а всё уже произошло
все кончилось и всё уже известно
как вышивка узор на скатерти пятно
как строчки длинных метрик
расплющенные блинчики бумах
но всяк дурак себя лелеет на руках
воздушным змеем поднимаясь в снах
и в гроб сходя внагляк без документов

<...>

савёловский вокзал трещит по швам
и из него рождется младенец
птенец
чей клюв как кладенец
он протыкает парк как шар
и выпускает тайны
и выпускают дух
ат-трак-ционы
пла́чу —
(ведь и буфет — святая ложь)
— а потому что выдержит не каждый
когда узнает, что в плену веществ
материи и внешних представлений
таится так сказать какой-то хлам
и всё: и я, вокзал, и парк, и плащ
как будто намудрили ради смеха
и смерть как мент незамедлительно придёт
к тому, что сам себя как прах развеет
(открыл б глаза да нечего открыть)
кто скажет наконец

я ничего!
я хуй!
я атом!
я леденец во рту не знаю чьём шербатом.

<...>

(у шлюза)

как солнце через мутное стекло
через меня растет растение.

гм. ещё раз.

я как среди развалин старый шлюз
но никогда не сдерживал напора
поток спокойный и бесчеловечный
свободно льется сквозь меня
(ну щас слова «капитель», «лета», «статуи»)

я ж к этому как будто не причастен!)
а вот причастен. и однажды ночью
немая хлынула холодная вода
а я прохожий будто с берега смотрю
и ничего мне не поделать
могу смотреть могу и не смотреть
но не могу остановить
ничем помочь и нечем возразить
и против
поставить
живу как будто я но я здесь ни причем.
стою вот типа дум высоких полн
а я тону внизу барахтаюсь кричу
а я смотрю помочь ли?
не хочу.

<...>

<...>

<...>

<...>

как корка хлеба я, которую жуёт старуха.
из неудачного текста

выходит всё что было был разбег. упал глазами вверх. но не спешу откыть. старуха прорастает сквозь предмет. стальной и несбриваемой щетиной. впивается крючком. подлец. подонок. мразь. что ни скажи. прими любую позу. никто не смотрит. ...значит нечего щадить. мы как забытые фонарики висят. сквозь мглу глаза беспомощно тускнеют. пойдём шататься. можно всё. и всех. пусть будет весело. а хуже — не бывает. наш приговор исполнен. нам конец. мы преданы, как брошенные дети. как гнёзда старые из нас птенец изъят. заранее. а остальное купим. или не купим. какая разница. нанизаны уже. смеёмся вседозволенно и нагло. отчаянно. беззубо. мы. мёртвые.

2000-2004

ZOO

добро пожаловать в зоопарк одной лошади
добро пожаловать в зоопарк одной лошади
зазывала орет. уберите детей от репродукторов.
взрослым после паузы сообщим: да ебись она провались эта сраная осень
добро пожаловать в зоопарк в качестве лошади
я люблю тебя как в этом сезоне никто не носит
с утра мысли про суицид хуицид гнать их ссаными тряпками
я люблю тебя, себя, музыку и русский язык, вот такая заявочка для начала
ой, только выключите все эти ваши поганые метафоры
представьте, что вы пришли просто посмотреть на лошадь
какие там дорожки, какие решетки, как там пахнет
как безнадежно бессолнечно каким промозглым бывает декабрь
коляще-режущие глазки словечки снежинки падают на лицо и не тают
я не мёртвый, я просто ёбаный отморозок, не бойся

это не тексты это просто такая письменная эмоциональная речь
такая плотная как пальто звериная жизнь. такая да уж какая есть лошадь.
всё видит насквозь таможенник
ты — всё что есть у меня настоящего что есть стоящего
какая всё-таки блядь злая логика злая логика
кончается всё хорошее просто потому что хорошее
скажи «пока» лошади, помаша лапкой, посмотрели, хватит.
хочу-не-хочу а всё уже кончилось кончилось кончилось
глупая пустота в уме белое ничего на бумаге
ни одного чувства ни одного слова ни одной лошади.

skazhite chto?
nas obliznulo skleilo prizhalo
(a shtampy pust' sosut)
i estafety vrode chush nesut
a vot po etoi chushi
volshebnyi siniy tok techot tekut
slova kakie-to prostye means durnye
ne skazhu

priberegu
(vot ne boyus pisat' bez vkusa. ozeni!) vot blin
zvetok polil i vspomnil
da otorvatsia ot kak ot zemli
(da compliment plohoj but such good physics)

privet! zvereyu!
te zelebnyie zapiski
priklyadyvayu k serdzu kak k ukusu
vnutri nego ikarus molodoi
letit skvoz eti chortovye dliny
i razvesiolye chuzhbiny
obozrevaet skvoz prizel
parashutist sidit vorobyshkom nahohlas'
i prygnut' zhdiot

a v zerkalo zarzhot – kakoi tam huj!
v bytu ni serdza ni drugih romantik
kakoi-to bliat' lohmatyi matematik
sidit na knopki zhmiot

музицируя

я сел с утра к роялю языка
передо мной как клавиши слова
которое нажать? допустим, а.
допустим, но. возможно, что.
конечно, ты. короче, я.

и слова деньги радостная трель.
и слова хуй прохладная педаль.

я решил подойти к материальному ответственно и серьезно
сгрел в консервную банку всю мелочь, что была в доме
звеню монетками: если купить интернет-карту за 5 долларов
то хватит еще на чай — сахар, а вот на молоко, пожалуй, не хватит
и ещё, чтобы идти в магазин, нужно ли бриться или сойдет и так?
и еще, вписал пару слов в стихи под названьем «оцепенённое»
просмотрел закачанный накануне сайт с голыми японскими девушками
подмел. в трудах и заботах проходят дни благородного дона.

я уже совсем можно сказать как розанов:
одной рукой извините дрочу, другой эту хуйню печатаю*
осталось вписать только это его фирменное current mood: за нумизматикой
и ключевые слова: «нищета», «с достоинством», «идиот», «порно».

**я когда пишу, другой рукой обязательно держусь за источник всякого вдохновения
(ну, или что-то в этом духе. розанов.)*


горит неукротимый плотский огонь
меня поджарит прямо на кровати
насилует бездушная рука
не спросит кто есть кто и что хотим
насилно нас к воротам привезут
в телегу посадили и везут
стрекочут спицы вяжут нас носки
слепые по полу волочимся мы
пустые тёмно-синие безысходные чулки.

my poznamilis' svetski, hotia i v ne slishkom respektabel'nom meste.
koljuchie liubeznosti poiski obschih toчек etc.
etakaja igra v ne trozh s nezametnym perehodom v mozhno
kazhdoe slovo vzvesheno, v kazhdom – vyzov
no na samom dele stesnitelnaya takaja chto za dushu beriosh
kljuchevyje slova: gordost', gordost', tysjachu raz gordost'.
ja smotrel skvoz' jarkij kartonnyj obraz
videl tam tesnuju kuhniu plohuju obuv' i knigi, mnogo horoshih knig.
i poshli na huj vse eti uslovnosti i granizy prilichij
ладно. когда я попал к тебе домой я узнал всю эту старую советскую мебель.
тесную кухню плохую обувь и книги, много хороших книг.
каждый альбом на полке, каждую чашку, каждый чай
родные люди родные вещи такая родная бедность
я кстати давно перестал её стесняться, это же обычная наследственная болезнь
в обстановке вечного недосыпа, вечной нехватки денег
гордость гордость гордость такая родная гордость
я гляжу сквозь яркий картонный образ
вижу тебя и всё это и в этом большую целость
семейные неловкости долги тайны тела
отказываешься брать деньги потом берёшь
поехали на метро в метро не поцелуешься не полежишь меня на коленях
мне же жалко тебя и не злись это не делает тебя слабой

а без взаимности вообще ничего не имеет смысла
почему-почему.

почему ты тянешься ко мне но не любишь
нелепая мысль: на каждую вещь наклеены невидимые ценники бирки
винегрет творог душераздирающие предметы быта
обречённое достоинство нищеты.

скажите хотя бы шепотом, за что идиоту такой подарок?
я в тебя как в глазок подсмотрел бога
нет, хуйню написал. я к тому, что так не бывает даром
так бесповоротно так сильно так сразу так много
да и при чём здесь небесное? ты ведь вполне живая
читаю вот буквы, которых касались твои обычные пальцы
но при чём биология здесь? тоже не знаю
это же чудо. какое там на хуй железо кальций
мне блять точно уже пора лечиться
всё звенит летит посвящается девушке Насте
ею же освещается улица смотрит не понимает тупица
за что дураку такое невыносимое счастье



от этого имени-искорки красные в голове приливы
я хочу твои глаза перед моими глазами
если умирать щас — умирать щасливым
потому что перед смертью ангела показали.

<...>

<...>

скользящая скумбрия слишком легко врёт

<...>

«если была б моложе, сказала бы...»
о, перестань, ну сколько можно петь эту песню
ну что это значит, кому это интересно — моложе, старше.
лично я остаюсь неизменным как единожды отлитая чушка



меняются только числа этот так называемый возраст
вот я формально так называемый взрослый.
да ладно. разве у НИХ бывает такое
если я ещё раз услышу имя юра, я тебя укушу
ты не смотри, что лет по паспорту много
где моя рассудительность?
где, я спрашиваю, моя степенность?
опять обманываешь. да пойми же, это же глупо
мелко, трусливо, в конечном итоге неэффективно
так ОНИ делают
их серые жизни куда-то едут серые снегири поют
«ах, молодость, ух, зрелость». какая глупость.
блядские даты мигают как этажи когда едешь в лифте
на каждом этаже те же комнаты и даже обои те же и мы всё так же
ты же не любишь я же я вижу и ты изнутри тоже
ну что молчишь, говори, ну что тебе от меня нужно
ну что вы пристали сколько тебе лет мало ли
не верю я в очарование этих ваших ёбанных циферок.
отворачиваешься — как на горло ногой наступили
руки дрожат как машина едет по гравию
словно не 32 года, а 23.

<...>

прослушайте очередное сочинение на тему love is
(помните были такие турецкие жвачки)
так вот
это значит брать с собой в душ телефон (а вдруг)
я — потому что вдруг позвонишь ты
ты — потому что вдруг sms придёт от него
в разных концах города
в убогоньких, честно говоря, жалких квартирках
одинаковая ночь, ветренная такая, и впереди одна нервогрёпка
впереди сплошная тревога и говна как грязи
сердце жуёт вялую кровь как ту жвачку
устал, не до рифм и что-то не смешно ни хуя.


<...>

где шляпа? ветер сдул
а носовой платок — прости, не знаю

с тобою я осанку потерял
давно я не был в парикмахерской ребята
(а у природы нет плохих манер
приличным с нею знаться страшновато)
чтоб это продолжалось не хочу
у магнетизма неухоженные пальцы
бестактно тычут: ты и ты. ну что!?
меня к тебе толкнуло как в трамвае
неслышно диктор шепчет как суфлёр
всё слишком грубо связывает нас
всё чересчур своими именами

<...>

синеют взгляды в памяти разметка
и прорастают сквозь как синие цветы
ты будто 220 на язык
бензин, розетка. броситься как в печь
и пусть оближет синяя картечь
и пусть нанижут острые столбы



и внутрь стреляет вечносиний бластер
меня свернули в трубочку как лист
и к небу как в трубу дымок пустили
какой дымок! фонтан, поток

и к глазу подключили синий ток

<...>

<...>

<...>

пигалица аня кругликова
(кстати не видел с седьмого класса)
где пуговица
галактика галактика

руки аккуратнее
перевернись на спину
чай с телятиной
нормально
замедленно
без муз
без мозг
у тебя что?
ого!

<...>

<...>

целую в спину не уходишь лицо прижал и замер и дышу в руках держу
вчера еще не верил час назад не верил никогда не верил летели деньги
ты поймал и держишь шепчешь решка решка кулак открыт. пятак лежит.
душа от счастья бежит.



<...>

достал себе с полочки
самоучитель цветка

<...>

нормальный больной

<...>

<...>

я бы тебе полизал сейчас, что уж там



<...>

<...>

<...>

гениальное животное

<...>

<...>

<...>





2003-2004



Содержание

<i>Гали-Дана Зингер. Про другое</i>	4
Лариса (поэма)	9
I	11
II	26
III	39
IV	55
Вроде трилогии	79
Amsterdam	81
Oзепенёное	99
Zoo	111

Литературно-художественное издание
Марковский Иван
Лариса и другое

Компьютерная верстка: И. Максимова